

Евгения Преображенская

18+

ПО ЩУЧЬЕМУ
ВЕЛЕНИЮ, ПО ТЬМЫ
ДОЗВОЛЕНИЮ

Евгения Преображенская
По щучьему велению,
по Тьмы дозволению
Серия «Сказы земель славянских»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73883702

По щучьему велению, по Тьмы дозволению / Евгения Преображенская.:

Феникс; Ростов н/Д; 2026

ISBN 978-5-222-48564-4

Аннотация

Славный парень Емеля мечтает о благе для своего народа, царевна Несмеяна хочет выйти замуж за любимого Инальта. Их устремления так светлы... Но хватит ли героям мужества преодолеть страшные испытания, которые готовят силы Тьмы и духи Зимы? Чем придется заплатить за исполнение мечты?

На страницах книги вас ждут оборотни, ведьмы, охотники на чудищ, объятия мороза и жаркие танцы вокруг костра. Это мрачное фэнтези со славянским вайбом о ненависти, возмездии и о настоящей всепобеждающей любви.

Сказку о Емеле, Несмеяне и волшебной Щуке знают все. Но такую историю вы еще не читали.

Содержание

Пролог. Беда	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	49
Глава 6	56
Глава 7	65
Глава 8	74
Глава 9	83
Глава 10	94
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Евгения Преображенская По щучьему велению, по Тьмы дозволению

Серия «Сказы земель славянских»

Художественное оформление Евгении Преображенской и Scarlet Mist.

По щучьему велению, по Тьмы дозволению / Евгения Преображенская. – Электронное издание – Ростов н/Д: Феникс, 2026

© Текст и авторские иллюстрации: Евгения Преображенская, 2025

© Дизайн обложки и форзацев: Scarlet Mist, 2026

© Оформление: ООО «Феникс», 2026

© В оформлении книги использованы иллюстрации по

Пролог. Беда

Она брела сквозь долгую ночь, сквозь чащобы и болота. Продиралась через сугробы и поваленные деревья. Она скользила по насту, падала, ломала хрупкие, словно хрустальные, болотные травы. Снова вставала и шла дальше.

Набившийся в сапоги снег кандалами сжимал голени. Дыхание замирало седым инеем на ресницах, застилая взор. Тяжелые меховые одежды оледенели, тянули к земле. Но царская дочь не ведала ни страха, ни усталости, ни холода.

Напротив, она благодарила Хозяйку Белых лесов за то, что та так скоро прислала северные морозы. За то, что стылым дыханием своим осушила слезы на щеках, что метелями замела следы царевны-беглянки.

Но самое главное, за что была благодарна царевна Хозяйке Ледянице, – что та сковала льдом водоемы. Надежно заточила врага – оборотницу, речную волчицу.

Скрипели деревья. Жалобно стонал в вышине ветер, точно неупокоенные души жаловались на свою судьбинушку. Призраки тянули костлявые руки-сучья к царевне, хватали за куний воротник, за рукава, за подол.

Да, судьба живых волновала царевну больше. Злоба наливалась сердце жаром и гнала вперед.

Ни лихие люди, ни голодные звери, ни духи зимы, ни ведьмины хороводы не пугали ее так, как зубастая оборотница.

Ни глупые бояре, ни наивный отец не злили так, как колдун, которого назначили царевне в мужья...

Уж сколько лун владыка-батюшка приглашал женихов из соседних да дальних заморских земель для любимой дочери. Отворачивала та грустные очи от любого, кривила розовые уста.

Никто не нравился царевне. А без страсти, без нежности, без воли сердца юного как можно идти под венец? Никто не ведал истиной причины отказа, секрета царевны. Прозвали ее в народе обидно да презрительно – Несмеяной.

«Что ж, Несмеяна так Несмеяна, – царевна зло стиснула зубы, шагая сквозь сугробы. – Вы еще узнаете, на что я способна! Покажу я и оборотнице, и ее приспешнику, колдуну проклятому. Отомщу обидчикам, вот тогда и *посмеюсь...*»

Глава 1

Речная оборотница

Гремели боевые песни, и ржали кони. Верным был шаг, ровным строй.

Позади остались родные дома и горы поверженных врагов. Дружинники не пощадили никого. Рубили головы, секли, давили, топтали. Кони, люди – все как один богатыри. Воины в сверкающих кольчугах, при мечях, щитах и копьях.

Двигались войска на восток, к столице Речи. И солнце нового дня огнем отражалось в их глазах.

Немало людей удалось собрать могучему предводителю восстания Емельяну Филину. Поднялся народ, чтобы сбросить оковы царской власти. Довольно с них было удушающего рабства, краж земельных. Пока крепка в руках силушка, нужно брать свою судьбу...

– ...Емельян! Ты где там? Наруби дров. Емельяшка, принеси воды! – от бабьего крика все его видения разметало, как туман ветром.

– Да что ж вы дуры такие, – сонно пробубнил Емеля. – Вот пристали... Доброму человеку покоя не даете.

Он и не думал подниматься с нагретого места, даже глаз не открыл. Только перевернулся на другой бок и плотнее укутался в покрывало.

– Сколько можно на печи валяться? – голос невестки приблизился.

– Богатырь Илияс тридцать лет и три года лежал на печи, – ответил Емельян. – У меня еще есть годков десять...

– Так через десять лет тебя никакие волхвы, никакие чудодеи на ноги не поднимут, лентяй ты эдакий, – подхватила вторая невестка.

– Я важные мысли думаю, – объяснил Емеля. – О бедах народа нашего, о процветании царства.

– И что же именно ты думаешь? – игриво поинтересовалась младшая невестка.

Ее звонкий голос заставил Емелю окончательно проснуться. Он откинул с себя тряпье, точно богатырь плащ, ловко соскочил с печи.

– Думаю, что довольно терпеть произвол царя! – с горящим взором воскликнул он и сжал кулаки. – Пора брать власть в свои рученьки!

– Начни-ка ты с этого, – рассмеялась невестка, сунув ему ведро для воды. – Иначе уже сегодня народ твой с голоду помрет без чаев да компотов.

– Без чаев – это, пожалуй, не годится, – сообразил Емеля, погладив себя по животу свободной рукой. – Что там братья мои уже новых вкусовостей привезли с базара?

– Не вернулись еще, столица далеко, торг – дело сложное, – проворчала старшая невестка. – Но куда тебе понять, думай о народе да чай заморские гоняй.

– Ну до чего ж вы злые, – фыркнул Емеля. – Смотрите, так и состаритесь раньше срока.

– А тебе, лентяю такому, даже старухи вовек не видать, – рассердилась старшая невестка, сильно потолстевшая незадолго до родов.

– Это мы еще потолкуем! – важно сообщил Емеля, оглядев младшую невестку с ног до головы голодным взором. – Вот увидите, сама царевна станет женою моей!

С этими словами он подхватил второе ведро и, как был босой да лохматый, направился к колодцу.

– Чтоб к приходу моему каша с маслом была! – донеслось до невесток.

– Ой, важный какой. И впрямь царь, – огрызнулась старшая невестка. – Пусто-Меля.

– Вот мы смеемся, а что если он и впрямь задумал на царевне жениться? – младшая проводила юношу любопытствующим взглядом.

Хоть и был их деверь лежебокой, но боги наградили его красивым лицом и стройным телом. Сероглазый, с плечами широкими и кудрями цвета спелой пшеницы, нравился он многим девушкам в их селенье. Шептались, что парень не раз этим пользовался, а вот замуж звать никого не торопился.

– Да думка у него одна, – отмахнулась старшая. – Как себя не трудить и на свете послаще пожить.

Последние летние дни подарили Северным королевствам

необычайный зной. Полдень стоял в разгаре, на улице было пусто.

Любой пастух, пахарь и охотник знал, что в это время нельзя работать, а нужно держаться в тени. Так повелось не только затем, чтобы уберечь голову от солнца.

В самую жару выходят на охоту полудницы – дневная нечисть. Теней они не любили, силушку солнце им дарило, луга да поля, открытые дневному светилу.

Заворожат, очаруют, обманут, а затем убьют на месте или уведут на свои солнечные тропы, хороводы водить. Но да какое дело до этого нашему бунтарю?

Пока Емеля шел к деревенскому колодцу, совсем измучила его жара. И потому, плюнув на просьбу невесток, направился он за околицу, к речке. Подумаешь, принесет речной водицы, а не колодезной. С запахом рыбы – так же веселее!

У водоема парень наполнил ведра. Недолго думая, сорвал с себя рубаху, стянул штаны и с разбегу плюхнулся в воду. Окунулся разок, другой, довольно фыркнул, потрянул кудрями. Солнечные лучи игриво блеснули на влажной коже, на мускулистых плечах.

Ох, хороша проточная водица, чиста, свежа и прохладна. Ох, хорош молодец Емеля.

Вдруг что-то скользнуло вдоль его ног, пощекотало ниже спины. Не то хвост рыбий, не то руки девчонки озорной. Другой бы испугался, что русалку встретил, утопленницу, а Емеля только рассмеялся громко. Вспыхнул внутри него интерес и не только...

В тот же миг невдалеке раздался плеск. В зарослях камышей зашелестело, среди стеблей мелькнул тонкий девичий стан. Емеля протер глаза, пригляделся.

Нет, не показалось. Стоит красавица, улыбается ему. Лишь волосами да травами едва прикрыта. Груды сочные, а губы алые – не как про хилых утопленниц рассказывали. Да не появлялись мавки в разгар дня! А если так, разве не хватит молодому удалцу собственного жара, чтобы вновь забилось сердце потухшее?

Кожа у девицы была чистая и белая, как жемчуг, волосы синевой отливали, а глаза точно омуты темные. Сразу видно, не из крестьянок, которых пальцем не тронь – тут же под венец вести нужно.

Не мудрствуя лукаво, Емеля поплыл было навстречу. А девица раз – и за травы шагнула. В догонялки поиграть решила, заманивает. Парень рассмеялся. В ответ услышал нежный смех.

– Ты, красавица, ежели пошалить желаешь, сама плыви сюда, – ласково обратился Емеля к незнакомке. – Я по тверди земной хожу, а по илу бегать не приучен.

Сказал так и попятился ближе к берегу, широко улыбаясь. Незнакомка ушла под воду. Но видит Емеля: по поверхности волны пошли – приближается дева речная. Она все ближе, а парень пятится. Вот уже вода ему по пояс, присел, чтобы не выдать себя.

Вынырнула незнакомка рядом с Емелей, обвила руками его плечи, прижалась бедрами. Тот так и охнул: красива, слов нет. Пламя желания усилилось в нем. Схватил он деву в охапку, стиснул в сильных руках тонкое прохладное тело и как выскочит из воды.

Дева не ожидала такого. Она взвизгнула, стройными ножками задергала, кулачками ударила по спине парня. Но как только оказались оба полностью на воздухе, вдруг обратилась она рыбиной скользкой, щукой зубастой!

Емеля поначалу опешил, но не растерялся – не любовь, так рыбалка! Взял он да и бросил щуку в одно из ведер с водой речной. Забилась рыбина в посудине, зубами заклацала, ударила сильным хвостом по стенкам. Но ведро было тяжелое, не опрокинуть.

– Вот так забава вышла, – Емеля упер руки в бока, уставился на свою добычу. – Что же мне делать теперь с тобой? На уху такую красавицу жалко пускать...

– Отпусти меня на волю, добрый молодец, – вдруг раздался ответ.

– Да ты говорящая! – воскликнул Емеля. – Э, погодь! А может, по деревням ездить с тобой станем? Чудом потешать народ, кун серебряных, а может, даже золотых заработаем!

– Смилуйся! – взмолилась щука.

– Вот уж нет, – покачал головой Емеля. – Я долго ждал такого чуда! Всю жизнь, можно сказать! Обмозговать нужно, как тебя использовать... А может, я с твоей помощью и царя Кри`вхайна с престола подвину...

Умолкла речная волчица, перестала биться в ведре, будто задумалась.

– Могу послужить тебе я в этом, – наконец раздался ответ. – Но только если отпустишь меня...

– Чего ты так быстро сменила гнев на милость? – насто-рожился Емеля.

Он присел рядом, любуясь своей добычей. Что дева, что рыбина была дивная. Чешуя переливалась, как камни самоцветные, в глазах изумрудная тьма. Была б человеком, совсем пропал бы в этих глаза Емеля.

– Счеты у нас с владыками Кривхайна старые, – в это время молвил девичий голос.

– Поймал тебя, что ли, царь, как я? – усмехнулся парень,

почесав затылок.

– То старая история, да не моя, – голос стал грустным. – Но знать ты должен одно: отомстить я хочу владыке. Коли поможешь мне и проявишь милость, буду я выполнять любые твои желания.

– Тоже мне сложный выбор, – рассмеялся Емеля. – Согласен я без раздумий! Только штаны натяну. А ты говори, что надо делать?

– Вспомни мою волю любыми словами и назови свое желание.

– Добро! А как же имя твое, красавица? Я Емельян, – подумав, Емеля добавил с важностью: – Емельян Филин.

– Можешь называть меня Лучия, – щука вильнула хвостом. – И есть у меня еще одна просьба, Емельян Филин.

– Ну? – заинтересовался парень. – Говори, раз начала!

– Как попадешь в стольный град да к царю в палаты, устрой нам с ним свидание, – продолжила щука.

– Тут надо подумать, – Емеля сощурил глаза, изобразив глубокомысленный вид. – Заклинание только свое не забудь сообщить, а там уж сделаю.

– Слушай же... – вымолвила щука. – Верно и четко представь свое желание да произнеси: «Что захочу, то по воле щуки получу! Велю, чтобы...»

Емеля тут же проверил волшебные слова на деле.

– ...Велю, чтобы ведра сами к реке направились! – приказал он тоном самого владыки Кривхайна.

Оказавшись у реки, рыба вновь обратилась прекрасной девой. Она игриво улыбнулась, плеснула ножками по воде. Длинными волосами прикрыла вождеденное и продолжила, строго глядя на Емелю:

– Только помни, что чары мои вблизи воды действуют. Чем дальше от нее, тем они слабее. В глуши лесной да у гор высоких другие силы властвуют.

– Стольный град Речи как раз на реке и стоит, – припомнил Емеля, садясь рядом с Лучией.

Та под его пристальным взором не опустила ресниц, не отвернулась, как обычно делали соседки.оборотница не испугалась близости парня и своей наготы. Напротив, Лучия ответила ему легкой улыбкой, от которой у Емели затрепетало все внутри.

– Ты умен, – похвалила она. – Столица и правда на реке стоит. И все же своими силами мне до царя не дотянуться. Ты нужен. Но не спеши колдовством кидаться. Знай меру.

– Все понял, все сделаю, – кивнул Емеля, заглядывая в темно-болотные глаза девы, отводя за спину ее иссиня-черные волосы. – Но за свидание с царем я с тебя все же доплату возьму...

– А это мы еще посмотрим, – негромко рассмеялась речная оборотница, – кто с кого доплату больше взыщет...

Она нежно провела рукой по непослушным кудрям Емели, сжала их в тонких пальцах, притянула его лицо к себе. Да не подарив поцелуя алых уст, опустила его голову ниже.

Емеля с покорностью последовал женскому велению, отдался ее власти. Он жадно припал губами к яхонтовым соскам, что от его прикосновений стали тверже самоцветов. Коснулся языком драгоценных камней.

– Какая ты холодная, обогреть тебя надо... – шептал Емеля, целуя нежные изгибы, скользя ладонями по прохладной коже.

Он оглаживал пышные груди, упругие бедра. Лучия вздыхала и стонала. Песня ее наслаждения была совсем как у обычной женщины. Она придавала уверенности, укрепляла мужскую волю.

Емеля стиснул тонкое податливое тело, прижав к песчаному берегу, пронзил. Стон сорвался с его губ. Холодная, как речная водица, оборотница внутри оказалась плотной и жаркой.

– Ты такой горячий, – отвечала она, изгибаясь под ним. – Словно полдень летний... Точно пожар лесной... Обогрей меня скорее, охлади себя, выплесни пыл...

Пожар вспыхнул и утопил в волнах долгого сладострастия. Туман неги окутал обоих.

– Смилуйся, – сладко простонал парень, ища губы оборотницы.

– Это и есть моя милость, – вымолвила Лучия, отвернувшись. – Мой поцелуй стоил бы тебе жизни...

Глава 2

Царевна Несмеяна

Славный Речи – стольный белый град царства Кривхайна – шумно да весело встречал праздничный день. Нарядный люд: и стар, и млад, и богат, и беден – все спешили на главную площадь ко дворцу, чтобы есть, пить, петь и веселиться, да изо всех возможных сил.

Ибо таков был строжайший указ царя-батюшки в честь дня совершеннолетия царевны. Все для того, чтобы единственная дочь его царевна Витария порадовалась вместе с гуляющими. Хотя бы улыбнулась на миг.

Но, глядя на веселье из высокого белокаменного терема, та только сильнее хмурила брови. Чему она должна была радоваться? Настала теперь пора ей замуж выходить.

Но сердце избалованной царской дочери не медведь. Ни плеть, ни сладкий пряник ему не указ. Привыкла она сама команды раздавать, а не слушаться.

Няньки и бабки обрядили ее в одежды нарядные, в платье парчовое, золотыми цветами, листвою и ланями расшитое. Вплетали атласные ленты в волосы, на чело надевали венец в россыпи яхонтов и алмазиков. На плечи ожерелье клали. Ручки белые в браслеты и кольца облачали.

Не милы царевне Несмеяне были ни украшения, ни пес-

ни, ни прибаутки, ни медведи танцующие. Тяжел наряд, не поднять в нем и руки. Ни шагу шагнуть, ни головой качнуть. Что ли няньки кормить ее станут с ложечки?

А женихи, созданные батюшкой со всех краев, пугали царевну больше зверей диких. Некоторые из них и выглядели не краше косолапых наряженных. Только, пожалуй, умыты чуть лучше.

От дальнего восточного побережья, от самого Красного моря прибыл себя показать владыка парусов и лодок. При виде его свиты царевна аж вздрогнула: главарь и банда разбойничья, не иначе. Сколько деревень кривхайнских они погубили во время своих набегов? А теперь батюшка мир хочет заключить.

Сам владыка Тинутури`ла был высок и мускулист, в кожу и шкуры обряжен. Тело полуголое в синих рисунках. Коса длинная, как у самой царевны, но виски выбриты. А уж лицо не лучше, чем у волкодлака.

– Да от такого и принцесса Страны мертвых сбежала бы, – заметила Несмеяна и наморщила веснушчатый носик. – Ты, батюшка, еще бы гномов или троллей позвал. Заточи меня в подземелья горные, к драконопоклонцам сошли.

В ответ старый царь лишь вздыхал да бессильно руками разводил. Непонятны ему были чувства дочери. Война стояла на пороге его земель.

Знал царь точно, что враждебные соседи гиатайнцы осваивают рудники горные, железо добывают. А вокруг Речи

лишь леса, реки и болота раскинулись, негде взять руды для мечей и кольчуг. Одна надежда на более сговорчивых соседей с северо-востока.

Если начнется война, Кривхайну понадобится поддержка. А что может быть вернее службы золотой монеты да надежного зятя?

Но прекрасноликий принц из Волшебных лесов Феэрихаль царевне показался похожим то ли на девицу, то ли на ребенка. Да и явился он скорее не себя показать, а на диковинку посмотреть – на не улыбочивую красавицу.

Красива Несмеяна была так, что залюбуешься. Глаза голубые и чистые, как озера высокогорные. Не зря, видать, лила царевна слезы каждый день. Губы – лепестки розы, да речи – еще более колючие, чем цветочные кусты. А под венцом яхонтовым, точно пожар, полыхали кудри пышные.

Приезжали счастье попытать и принцы из Пустынного моря и с Южного континента. Были среди них смуглые, наряженные в золотую парчу. Были черноволосые и белокожие в изящных легких шелках. Приносили они дары: камни блестящие, специи пахучие, ткани, меха, чай да сладости.

От пестроты и запахов острых у царевны только сильнее голова разболелась. Праздник был не праздником, а пыткой бесконечной. Не выдержала Несмеяна, да и разрыдалась при всех.

Батюшка, к тому привычный, внимания не обратил. Гости опешили, стали шептаться. Кое-кто из подвыпивших бояр, не боясь царского гнева, шутить принялся и смеяться. Мол, вот кому-то достанется счастье.

Поднялась красавица, заплаканная, но гордая, и вышла вон. Будет пир веселее без капризной Несмеяны. Пусть празднуют ее день рождения дальше, возносят хвалу браге

и Квасуре.

В своих покоях Несмеяна раскричалась, поколотила прислужниц. Она выгнала всех, кого могла, чтобы остаться в одиночестве. Царевна сбросила венец и ленты, браслеты со звоном покатались по полу. Сама сорвала, скомкала и истоптала тяжелый наряд.

Оставшись в подпоясанной домашней рубаше, она достала медальончик, в котором носила портрет матушки.

– За что мне эти мучения? – вопрошала царевна, и слезы дрожали на ее рыжих ресницах.

Художник искусно изобразил в медальоне лик молодой женщины: добрую улыбку, грустные голубые глаза, каждый волосок в косах прорисовал. Словно бы живая, глядела на дочку матушка, точно был художник тот чародеем.

– Тебя извел отец до смерти, теперь мой черед пришел... – Несмеяна вытерла глаза. – Милая моя, покровительница и защитница, не дай меня в обиду. Знаю я, что смотришь ты на меня с небес вместе с Великими Матерями, слышу голос твой в пении птиц. Но боюсь, погибель меня ждет...

Наплакавшись, Несмеяна обернулась к дверям. Прислуга убежала, испугавшись криков и слез. А вот стражник не тронулся с места. Впрочем, того и не требовалось.

Юный, чуть старше царевны, Ина́льт из рода Бóгатов всегда был на ее стороне. Младший дружинник молчал, когда нужно. Когда требовалось слово доброе, мог успокоить. Был он высок и могуч, не хуже мореплавателей с востока, но

учтив и умен, будто у Цветгоры воспитан. Да и богат был его род – почти как князья южные.

– Отчего *ты* не сватаешься ко мне? – горячо прошептала царица, подходя к дружиннику, заглядывая тому прямо в глаза. – Знаю я, что любя тебе. Знаешь и ты, что мне нравишься...

– Как можно, царица, – Иналт опустил голову. – Вот был бы я воеводой хотя б...

– Так дослужись до воеводы! – приказала Несмеяна. – Чего зря время теряешь, у дверей моих стоячи?

Не сразу ответил Иналт. А когда ответил, в словах его горечь слышалась:

– Оберегать тебя хочу, сердце мое. Чую, что выйдет плохо, если оставлю. Сама обещаешь, что погибель тебя ждет. Говорят же, матушка твоя...

– ...В окно бросилась от мук сердечных, – закончила царица, переводя взгляд на небо.

Беззаботные ласточки носились в вышине. С площади летели народные песни.

Рассказывали няньки, что погибла их повелительница от горя. На сносях пока ходила, много плакала. А как родила, вовсе зачахла и ума лишилась. Шептались, что была у нее соперница. Очаровала царя колдовством темным и тоже понесла от него.

– Теперь я должна глядеть в это окно на веселые хоробы, которые устроил царь-батюшка, и веселиться. Так он

придумал, так решил! – царевна посмотрела на стража. – Боишься, о смерти я мечтаю?

Иналыт Богат молча кивнул.

– А если заберет меня принц заморский, выйдет лучше? – разозлилась Несмеяна. – Знай же, что ты сможешь уберечь меня, лишь став моим мужем, – она сжала кулачки. – И уж скорее я лишу жизни обидчика, чем с собою покончу!

Дружинник едва заметно улыбнулся. В эти слова, хотя и брошенные сгоряча, он охотно верил.

Глава 3

Царев пес

В сказках о трех сыновьях обыкновенно рассказывается о судьбе младшего сына. Мол, старший всегда и умен, и силен – ничего интересного. Средний – и так и сяк. А младший – дурень неуклюжий, но удачливый.

Чаще из всего перечисленного, пожалуй, верно лишь последнее. Младшие дети как будто бы беззащитнее старших, больше нуждаются в опеке матери, более любимы ею на фоне уже ставшего самостоятельным первенца. Волшебство материнской любви – чем не удача?

А между тем вне сказок доля старших сыновей бывает тяжелее и упрямее. Наследники несут груз ответственности за дом и весь род. Вот поэтому старший сын не может позволить себе быть слабым или глупым. Так было и с Инальтом.

Мальчик родился первым из трех братьев. Была у них еще сестренка, чуть младше царевны Витарии. Отец Инальта, князь Богат, правивший землями ниже по реке, хотел, чтобы девочка стала подругой царевны, но все никак не мог расстаться со своей душенькой. А Инальта, прямо говоря, недолюбливал.

Мальчик был здоров, силен и умен, как завещано сказками. Рано научился читать и мечом овладел не хуже. В общем,

подростал достойный наследник... или соперник, а отец не желал делиться властью. Как только позволил возраст, он и отправил своего старшего сына ко двору, пополнить царскую дружину.

Так стал Инальт одним из верных псов государевых. К своему совершеннолетию он уже проявил богатырскую силушку. Юношу начали брать в опасные походы, где он быстро сыскал славу за доблесть и отвагу.

К тому же Инальт был не по годам стоек духом перед девичьими чарами. Пока дружина отдыхала после сражений, вкушала яства и баловалась прочими сладостями, Инальт проявлял сдержанность, а по мнению многих сослуживцев – надменность и брезгливость княжеского сыночка.

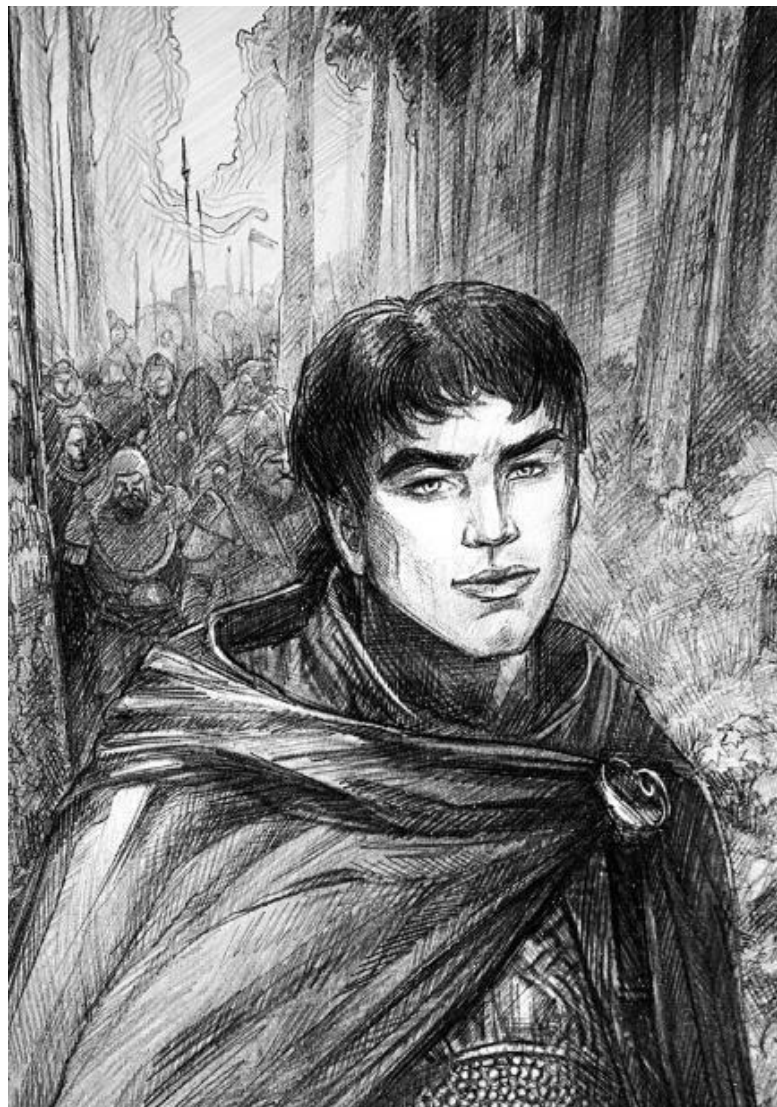
Невзлюбили Инальта многие. Необычное поведение юноши не укрылось от внимания воеводы. Стал он пристально наблюдать за дружинником. Нет ли иного лиха в мальчишке, который вырос в тепле и уюте богатого княжеского двора?

Но однажды произошел случай, который отмел все подозрения. Царь-батюшка пожелал ехать со свитой по деревням, посмотреть своими глазами, как его народ живет. Была с ним и юная царевна Вита – девочка яркая, точно солнышко, но отчего-то всегда грустная.

Не любили рыжеволосую, нарядную, но при этом вечно недовольную царевну. Когда она вышла с батюшкой одарить милостью крестьян, кто-то крикнул похабное и кинул в них грязью. Вита разрыдалась. А Инальт в тот же миг पहले всех

прыгнул вперед, точно верный волк, и загородил своей грудью... да не царя, а его дочь.

Комки грязи в него полетели, а юноша даже в лице не изменился. Не было в нем ни злобы, ни презрения. Знал он из книг, что царей любят редко. Нечасто и цари знают, о чем простые люди горюют.

Царь Кривхайна для красоты ездил по селениям, в правлении во всем на мнение бояр полагался. Бояре же, как известно, больше о своих животах пеклись.

Оценил воевода поступок Инальта, заметил нежность в его глазах, когда взгляд касался царевны. Да, вспыхнула в сердце Инальта любовь к девушке с первого взгляда, заметная даже старому воину, чья душа очерствела в походах и битвах.

Чем боги не шутят? Подумалось тогда воеводе, что княжеский сын может стать достойным владыкой всему царству. Уж он не будет слушать чужих языков, своя голова на плечах светлая.

За ум, спокойный нрав и верность воевода отрядил юношу оберегать главное богатство царства – юную царевну Витарию.

День и ночь стоял на страже Инальт Богат. В женский терем не было хода чужакам, но праздник размахнулся не на шутку. Шум песен, смеха и пьяных криков носился не только среди дворцовых строений, но по всей столице. С приходом ночи на улицах было светло илюдно, как днем.

Вот и дружинник ни на миг не сомкнул глаз. Мало ли что взбредет в голову выпившим чужестранцам, гостям заморским. Впрочем, свои не всегда оказывались лучше. Даже стражникам веры не было, среди них нашлось бы немало тех, кто любит повеселиться и недолюбливает царевну.

Был Инальт сдержан в страстях, да не глуп. Книги читать любил, но и наблюдательностью к жизни отличался. Не был он слеп или глух. Знал, как сослуживцы от боев ратных отдыхают.

Помнил Инальт слухи, бродящие по дворцу мерзостными сутулыми тенями советников, разлетающиеся ехидными смешками кухарок, служанок. Скажут гадкое в сторону, а потом ресницами хлопают, невинно губы лыбят.

В боях все проще, честнее: есть меч, есть щит, а есть стрелы. В царском же тереме враги друзьями прикидываются. А друзья... есть ли такие? Одной царевне было отдано сердце юноши, более никому и ничему.

Поздний осенний рассвет подарил дворцу долгожданную тишину и тяжелые хмельные сны. Сморила усталость и Инальта. Но только он сомкнул веки, услышал девичий крик.

Богатырь подскочил на месте, рванул на себя ручки – двери не поддаются, заперты изнутри. Другой раз и третий дернул Инальт. Дубовые створки аж затрещали в его могучих руках. Взревел юноша и ударил со всей силы.

Засовы вылетели. Инальт оказался в покоях царевны. Замер и головой крутит: где же враг? Никого не видно. Да и как лихой человек попал в высокий терем? Через окно? Невозможно, стена каменная отвесная!

А царевна Несмеяна закуталась в одеяла и все продолжает завывать в ужасе, дрожащей рукой показывает в угол. Инальт посмотрел в ту сторону и тоже едва не взвыл. Будто сама тьма

ожила, тень обрела силуэт человекоподобный.

Когда Инальт ступил в покои, чудище ударилось об пол и превратилось в черный пшеничный кисель. Растекается по коврам, а следов не оставляет за собой.

Инальт подлетел к нечисти и ударил мечом, легко разрубил надвое. Кисельная чернота заверещала, и обе ее половины устремились к выходу. А по черной плоти будто искорки побежали. Инальт готов был поклясться, что это глаза!

Страж напрасно бросился в погоню. Юркнула нечистая за угол и пропала. Инальт не хотел покидать царевну, пусть мудрецы и советники разбираются, что за напасть.

Он вернулся к Несмеяне. Увидел ее – беззащитную, слабую – и сердце его сжалось от нежности. Инальт не стал церемониться, сел рядом, обнял девушку.

– ...Ты цела, моя царевна? – спросил он. – Чудище не навредило тебе?

– Оно не подошло... – ответила та. – Только стояло да смотрело на меня десятками глаз.

– Спасибо Великим Матерям, – вздохнул юноша.

Инальт прижал к груди царевну. Заключил тонкие плечи в свои надежные объятия. Оба ощутили, как трепещут их сердца.

– Голова кружится, – прошептала Вита.

– Верно, – дружинник прильнул лицом к ее волосам, вдохнул аромат.

– Укради меня, Инальт, укради, – тихо взмолилась царев-

на. – Увези в свое княжество... Далеко-далеко...

– Ты не была там, не знаешь, о чем просишь, – вздохнул юноша. – Опасны Северные земли.

– Видишь, нет мне покоя даже во дворце... – всхлипнула Несмеяна, прижав руку к пояску, за которым хранила кулон с портретом матушки. – Чую я, грядет беда...

– А не жалко тебе батюшку одного оставлять? – нахмурил черные брови Инальт. – Как же престол без наследницы?

– Не хочу я ни престола, ни власти, – мотнула головой царица. – Противны мне царские хоромы... – ее плечи дрогнули. – Укради и увези меня как можно дальше! За леса, за поля, за реки...

Инальт не ответил. Он не знал, как не выкрикнуть: «Да!» Как найти разумный выход, когда сердце стонет: «Увезу тебя, украду... никому не отдам!»

Они нашли ладони друг друга, сплелись пальцами. У юноши руки были горячие, словно у самого бога Зоара. У царицы – холодные, точно весенний ледок. Она подняла залитое слезами лицо, легонько коснулась устами губ воина. Тот склонился к ней. Ответил – несмело, не размыкая рта, как целуют друг друга невинные дети.

И снова оба опустили глаза, отвернулись. Они замерли, скованные своим проступком. Внимательно слушая дыхание друг друга, пытаясь угадать в нем, чувствует ли каждый из них это дивное, необъяснимое. Или кажется? Или это тень от пережитого ужаса туманит взор, бьет дрожью.

Так они и сидели, обнявшись, когда подоспела стража.

Десятник не стал разбираться, из-за чего кричала Несмеяна. Не слушал ее слов и молений. Не спросил, почему младший стражник выломал двери в покои царевны и обнажил меч.

Того, что десятник увидел, было достаточно для ареста Инальта.

Глава 4

Колдун и шут

Слава гремела впереди него, а по пятам шла погоня. Но рассеянная по приречным деревьям царская дружина не сильно торопилась ловить бунтаря. Поначалу пытались с ним воевать, а потом вдруг отстали.

Страх наводил Емельян Филин, и неспроста. Он разъезжал не на богатырском коне, а верхом на огромной печи. Попробуй-ка одолей такого скакуна.

Движимая чародейской силой печка давила ратников, как цыплят. Их мечи и копья бессильно отскакивали от колдуна. Стрелы летели все мимо. Будто лихо одноглазое рядом с ним сидело.

И воды рек его слушались, выходя из берегов по первому зову. И сады фруктовые вдруг начинали сыпать плодами по головам законников. Вилы и лопаты сами собой в бой шли. А уж сколько голов разбили обыкновенные дрова – страшно сказать.

Зато местные жители стремились всячески помогать Емельяну Филину. Бабы млели от нахального красавца. Мужики одобряли чудеса незаконные. Дети визжали от восторга, когда Емеля их на печи катал.

Казалось бы, колдун жуткий, некромант, что оживляет

неодушевленное. А нравился простому народу веселый нрав Емели, его шутки и особенно смелые слова, которые все думали, да боялись произносить. Знали крестьяне намерения веселого колдуна и куда он печь свою правит.

В какую бы деревню ни заезжал Емелья по дороге в столицу, везде его уже ждали с хлебом да солью. Сами старосты встречали, вели в дом, где парня угощали яствами и долгими речами о судьбе крестьянской. Кушаньями, напитками и ласками радовали бунтаря, а утром провожали.

Недоумевал Емелья только от одного: почему никто к его армии не примыкает? Чтоб въехать в столицу, как во сне он видел: с боевыми песнями, с реющими знаменами, со сверкающими глазами.

Все были недовольны законами, налогами, произволом ратников, но молчали. Вручат пирогов, письмо с прошениями к царю – и рукой на прощанье машут. Даже братья родные не пожелали присоединиться к походу.

Как вернулись с торгов, как увидели, что за порядок в их общем доме стоит, так принялись браниться. Мол, нечего темной силой баловаться, якобы собственная сила так пропадет. Собственными руками мужик должен дрова рубить, сам за водой ходить, а не на печи бока отлеживать.

– Вот и поглядим! – заявил им Емелья. – Я уйду от вас и больше не вернусь. Живите как знаете. Только часть своего наследства я забираю!

Сказал так, да и укатил прямо на печке верхом. Даже до-

мишко детства своего восстанавливать не приказал. Зачем его братьям сила темная, если свои руки есть? Пусть на себе добрые советы и применяют!

Емеля не сильно горевал, что нет у него единомышленников. Может, оно и лучше, ведь была у него сила Лучиюшки. По ее воле мечи и топоры сами по себе пойдут в бой. Воевать может кухонная утварь, платья и сапоги – вот ведь будет умора!

– Ну и нойте дальше! Гните спины на царя, дурачье, – смеялся Емеля, с ветерком катя по большаку. – Стану царем, вместо него буду вами распоряжаться. Кто не помог, не пожелал сделаться могучим витязем, тот не получит от меня ни меча, ни коня, ни монеты. Останетесь рабами – будете знать.

Впрочем, думал так Емеля без злобы. Жизнь его была светла и весела, судьба не озлобила. Не изведал он ни холода, ни голода, ни горя. Не заслужил он у себя в деревне большого уважения, но на праздниках ему всегда были рады. Поет хорошо, пляшет – душа компании!

Как тогда, так и теперь женщины были к нему ласковы. Разве что в последние дни жаловались на речной запах от тела, на рыбий привкус губ. Но так он и не предлагал им целоваться.

Единственное, на что мог пожаловаться богам Емеля, так это на скуку. С самого детства хотелось ему чего-то эдакого, диковинного, необычного. Всегда казалось Емеле, что он не на своем месте, а достоин лучшего.

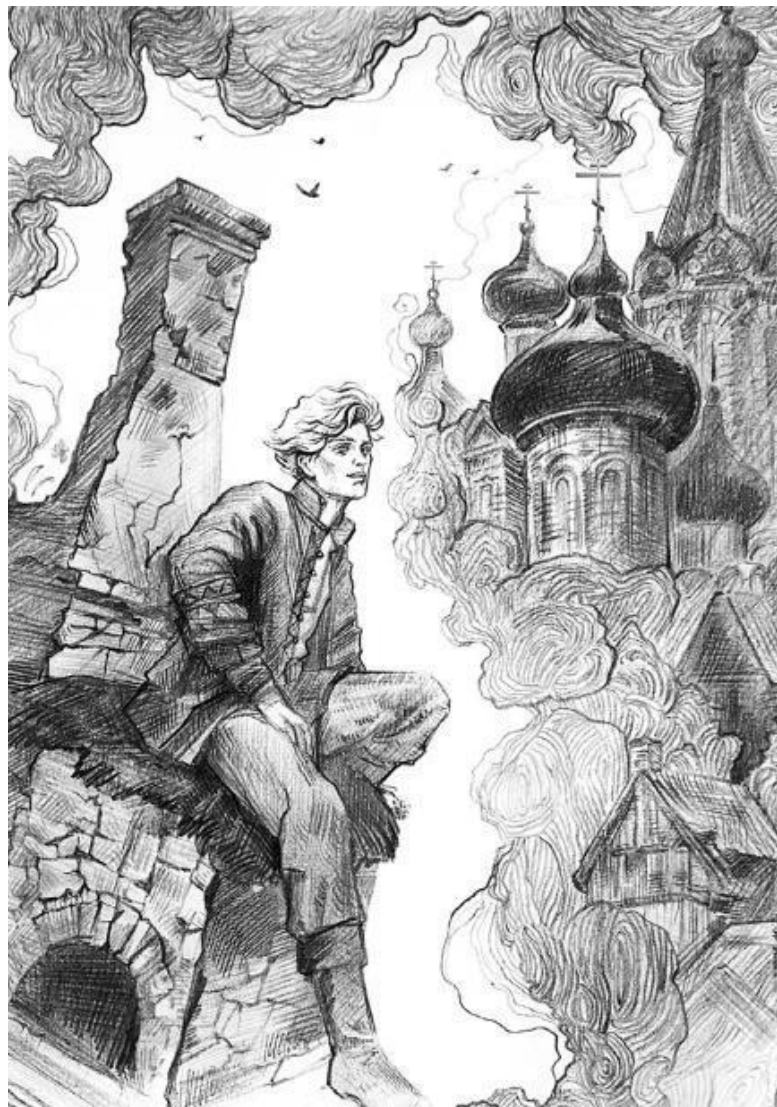
Миновали осеннее равноденствие и праздник Урожайной луны, когда увидел Емеля башни и маковки Речи. Не зря столицу назвали белым градом. Крепость и дворцовые палаты были выложены из белоснежного камня.

На фоне синего неба и золотых садов казалось, что терема сияют, словно волшебные. Емеля так залюбовался, что не заметил, как дорогу ему преградила стража. В руках бердыши острые, на головах шапки синие с перьями, на плечах плащи.

– А ну стой! – гаркнул один из воинов. – Кто таков, откуда и зачем?

– Вы не слышали обо мне? – удивился парень больше их глупости, нежели незнанию. Как можно смотреть перед собой и не видеть, что к тебе на печи прикатили? – Емельян Филин я. Еду к царю-батюшке с письмами от народа.

Он бросил к ногам стражи мешок.

– А чего верхом? – спросил второй стражник, почесав затылок. – Не положено в городе верхом.

Емеля нахмурился, но затем в глазах воинов приметил знакомое выражение. Никак божок Квасура тут был замешан.

– Гуляете, что ли? Празднуете? – по-доброму рассмеялся Емеля.

– Царевна наша совершеннолетие встречает, – объяснил первый стражник. – Женихи понаехали. Не до писем твоих царю-батюшке!

– Так и я жених! – обрадовался Емеля. – Чем я, по-вашему, не жених? Молод, красив, умен и силен!

Он ловко соскочил с печи и, хлопнув себя по рукам, по ногам, закружил в задорной пляске. Но стражников представление не впечатлило. Они только пуще рассердились.

– Какой ты жених? – скривился один из них. – Босой, нечесаный, рубаха на тебе драная! Вор огородный... Шут царя Гороха!

– Принцы заморские, витязи могучие даже улыбки нашей царевны не удостоились, – вставил другой стражник. – Витария Несмеяна только рыдает без конца. Вчера как начала, так и не прекращает.

– Значит, я именно тот, кто ей нужен! – воскликнул Емеля. – Я не витязь и не принц, я рассмешу и утешу.

– Проваливай отсюда, свинья деревенская! – принялись

браниться стражники.

– Ах так... – Емеля погрузнел.

Он помнил, что щучечка просила не баловаться колдовством. Но как попасть во дворец и выполнить обещанное, если два грубияна на пути стоят?

– Ладно, уговорили, не хотите по-доброму, будем по-иному, – прошептал Емеля. – Что захочу, то по воле щуки получу. А ну сделайте теми, кто вы есть. Служите мне, свиньи городские.

В тот же миг оба стражника обратились здоровенными хрюшками. Бердыши попадали на дорогу, плащи повисли, колпаки с перьями так и остались на головах. Емеля расхохотался: очень уж смешное зрелище было.

Парень снова залез на печку и пустился дальше. А хрюшки за ним поспешили. Вскоре их стало не двое, не трое – вся дворцовая стража шагала следом за печью, покачивая перьями на колпаках и похрюкивая.

Слуги, которые видели это зрелище, падали от смеха. Веселился и Емеля. Он вынул дудочку и принялся наигрывать на ней нечто похожее на боевой марш, который запомнил из своего сна.

Вот и сбылось вещее! Едет могучий полководец Емельян Филин на боевом «коне», а за ним вся его армия шагает! Хочет люд вокруг, аж слезы из глаз, веселится сам предводитель. Лучше уж так, чем головы рубить да кровь проливать.

По щучьему велению отворились тяжелые ворота царской

крепости. Емеля оставил своего верного кирпичного «скакуна» у дворцового крыльца, взял с собой только письма и дочку. Под хрюканье поросячьей свиты он поднялся по ступеням и беспрепятственно вошел в палаты.

Босой, простоволосый деревенский парень оказался в пиришественном зале среди гостей, разодетых в шелка и парчу, в меха, драгоценные камни, и замер. Умолкли и все собравшиеся, распахнув рты от удивления.

У Емели в глазах зарябило от яркости. Потолки и стены были расписаны цветными красками: замысловатыми узорами, деревьями и травами, оленями и птицами. Столы ломились от яств: лебедей, гусей в яблоках, подносов со сладостями и кувшинов серебряных с питьем.

Во главе пиришества на высоком золотом троне сидел царь-батюшка – величавый и белобородый, как сам бог Неба. А рядом с ним – ну богиня Солнышко в лучезарном венце на рыжих косах.

Подняла царевна на Емелю очи, и содрогнулось сердце парня от жалости. В голубых глазах юной красавицы стояли слезы, щеки раскраснелись от рыданий, а розовые губы, наоборот, побледнели. Как будто не рождение свое праздновала царевна, а погибель.

На миг Емеле вдруг стало стыдно за свой смех дурацкий, за убогий наряд, даже за свою потешную свиту. Вот уж и правда – шут царя Гороха: рубаха зеленая дырявая, ноги босые в пыли дорожной, волосы гребня не видали много дней.

Хорошо хоть умылся утром, искупался. Да и повидаться он должен был там, у реки, кое с кем, прежде чем во дворец идти. Лучия передала Емеле с собой подарочек для царя-батюшки.

Но время подарков настанет позже, а пока Емеля прошептал волшебные слова, широко улыбнулся и взмахнул руками. Его дудочка подпрыгнула в воздух и сама собой заиграла.

Под эту музыку парень обернулся вокруг себя, топнул каблуком. На ногах его вдруг сафьяновые сапоги оказались. Рубаха переменялась на новую шелковую. Кудри – волос к волоску легли.

– Привет тебе, царь-батюшка! – провозгласил Емеля и низко поклонился. – Меня зовут Емельян Филин. Я пришел свататься к царевне Витарии.

– А что ты, Емельян Филин, можешь предложить царевне? – усмехаясь в бороду, поинтересовался царь. – Что у тебя есть за душой? Или в деревенскую избу без печки заберешь мою единственную дочь?

– Не собираюсь я возвращаться в деревню, – Емеля важно подбоченился. – Сейчас у меня ничего нет. А зачем оно мне в дороге? Завтра же будет все, что ни захочу! Дворец, богатства, армия...

– Слышал я о тебе, – перебил его царь. – Знаю, что колдун ты и шут.

Парень рассмеялся:

– А я слышал, что царевне грустно живется у вас тут. Я

же умею развеселить. Ну-ка, погляди!

Емеля снова руками взмахнул. Дудка заиграла громче. Вместе со своими хряками парень принялся танцевать. Гости начали в ладоши хлопать.

При виде нарядного и задорного шута с хрюкающей свитой все хохотали в голос. Смеялись и царь, и советники его, и принцы иноземные да заморские. Кто сам веселился, а кому пришлось веселиться по воле щучьей.

Но Емеля так разошелся, так закружился, что уже не видел разницы. Забыл он и о письмах, о просьбах крестьян.

Когда в пляс пошли гости, Емеля занял место за столом по правую руку от царя. Он сильно проголодался и ни в чем себе не отказывал. Он пил, ел, пировал, шутки шутил, о себе рассказывал и о гостях расспрашивал.

Парень так развеселился, что не заметил главного. Глядя на его представление, царевна Витария так и не улыбнулась ни разу. Ни сама она не веселилась, ни при помощи колдовства, словно защита какая была на ней от силы щучьей.

Вот уж день на вечер повернул. Гремели смех и речи. Взмывали полные чарки, опускались пустые. Вместо гусей и лебедей на блюдах красовались их косточки. На скатертях разрастались винные пятна, рассыпались крошки и начинка от пирогов.

Как случается на пирах, к этому времени все были сыты и пьяны до неприличия. Вместо того чтобы схватить и казнить смутьяна, колдуна поганого, шута и свиновода, царь-батюш-

ка разговорился с ним. А на радостях даже пообещал свою милость и руку дочери.

– Раз не хочет она принцев иноземных и заморских, не любы ей могучие воины с Красного моря, не милы мужи Севера и Юга, забирай ее ты, Емеля! Пусть хоть свиной пасет, сил моих больше нет! – смеялся царь.

Мудрый царь-батюшка, который накануне не пощадил верного своего дружинника, хотя тот не сделал ничего плохого, а напротив, пытался защитить царевну от лиха, теперь поверил первому встречному, проходимцу, простолюдину.

Улучив момент, Несмеяна встала из-за стола и вышла вон. Губ ее так и не коснулась улыбка, но слезы на ее глазах обсохли впервые за долгое время. Во взгляде царевны пламенил гнев.

Столицу окутали сумерки. Необыкновенно, зловеще темны были они в этот вечер. Вдруг резко похолодало, с севера повеяло духом зимы. Сотни свечей едва могли разогнать тени в пиршественном зале. Опыяненные весельем, уставшие от долгих праздных дней гости засыпали.

Кто уткнулся лицом в блюдо, кто нашел прибежище под столом среди огрызков и объедков. Задремал царь-батюшка, оперев голову о согнутую в локте руку. Золотая корона съехала к его стопам. Но даже в таком виде он не потерял благородства, напоминая древнего мудреца.

– ...Настала пора, – в это время услышал Емеля голос Лучиюшки.

Он вынул из-за пояса тканевый сверток, стряхнул со стола мусор и заботливо развернул на скатерти речной дар. Со стороны могло показаться, что на тряпице шевелятся две крупные виноградины на раздвоенной красноватой веточке.

Свет огня отражался на глянцевой поверхности бледных шаров и тонул в темно-зеленом взгляде. То были глаза. И были они не рыбы.

Когда их пронизывающий взгляд упал на царя, тот вздрогнул, тяжело застонал, будто охваченный кошмаром, и проснулся. Крик застыл на его искривленных губах, руки затряслись.

– ...Помнишь ли ты эти глаза? – раздался женский голос, и из полумрака появился девичий силуэт в переливающемся водной зеленью платье. – Ты говорил, что жить не можешь без них... Ты молил об одном лишь поцелуе их владелицы...

– Лу-чи-я... – пролепетал царь непослушными губами.

– Лучия, – повторил голос, – жрица из Летней страны, посвятившая себя Единому Создателю, что несла его Слово по землям Северным. Ты обольстил ее нежными речами, заставил поверить в свои искренние чувства, – голос возвысился, обрел громовые ноты. – Ты силой взял ее, а насладившись, бросил...

– Лучия... – повторил царь в ужасе. – Прости меня...

– Я не та Лучия, которую ты знал, – женская тень склонилась к царю, в свете проявился бледный лик, обрамленный черными волосами. Алые губы изогнулись в улыбке. – Спит

она на дне реки... Я же – плод ее чрева. Я дочь твоя... – дева тихо шипяще рассмеялась. – Дочь *нерожденная*...

Царь весь побелел и безмолвно замер на троне. Глаза его остекленели, дыхание почти замерло. А Лучия, нерожденная дочь матери Лучии, медленно прошествовала и заняла пустующее место царевны.

– Царь помер, что ли? – невинно поинтересовался Емеля. Он оглядел владыку, дернул того за бороду. – Я теперь буду править Кривхайном?

– Пока что он жив, – ответила ему речная оборотница, расправляя изумрудные складки платья. – Не нужно спешить, Емеля... Кроме царя, есть еще советники, воеводы. Они не должны заподозрить неладное, иначе поднимется бунт. Делай свое дело, развлекайся, веселись. Женись на царевне...

Глава 5

Нежданная помощь

Разозлившись, Витария покинула пир и направилась в свои покои.

Станный холод разносился по коридорам и лестницам каменного дворца. Никого из слуг и стражи было не видеть. Только спящие свиньи в синих колпаках с перьями сторожили проходы.

Пыл злости иссяк, и царевну пробрал страх при виде жуткого колдовства. Неясное подозрение растревожило ум, но никак не находило объяснения. Витария стиснула в пальцах медальончик с портретом матушки и повернула обратно в пиршественный зал. Хоть пьяные, но все же там были люди.

Лишь в последний момент что-то остановило ее, кольнуло в груди предчувствие.

– ... Делай свое дело, развлекайся, веселись. Женись на царевне, и тогда после смерти царя станешь ты истинным владыкой Кривхайна, – расслышала Витария, застыв в шаге от дверей, ведущих в зал.

Голос был незнаком царевне. Он был едва различим, но от него явственно веяло могильным хладом.

– Сделаю все, как ты скажешь, Лучиюшка моя, – сладко ответил колдун. – Щученка моя волшебная...

Витария зажала рот ладошкой и попятилась. Мысли взметнулись, сердце застучало.

Мавка пробралась во дворец! Шука! Оборотница! Да как же это? Что делать? Как быть? И нет рядом надежного Инальта...

Дружинника заточили в темницу. Или хуже! Может, в яму глубокую бросили или у позорного столба иссекли до смерти кнутами. Шутка ли? Все решили, что он посягнул на честь царской дочери!

Как узнать судьбу верного стража? У неулыбчивой царевны не было ни друзей, ни приятельниц, ни единой родной души на всем белом свете, кроме отца. Далеко ли она убежит?

Обуреваемая страхами и мыслями, Несмеяна поднялась в свою башню. Как и везде во дворце, у дверей в покои вместо стражи спал здоровый хряк. А у изножья кровати царевны задремала служанка.

Витария окинула ее пристальным взглядом. Девушка была постарше ее, но по росту и сложению схожа. Волосы были замотаны в платок, одета в неприметный сарафан.

Царевна приблизилась к служанке и вскрикнула. У самого ее плеча приютилась черная тень. Сверкнули глаза: один, два, пять...

Но тень вновь не стала нападать. На этот раз она обратилась небольшим черным зверьком, как будто кошкой. Прыгнула на подушки, с них – на пол и, протиснувшись в щель

между дверями, пропала.

Витария бросилась к служанке, потрясла за плечо, приложила ладонь к ее груди. Сердце билось. Девушка была жива, но точно окутана мертвым сном.

Недолго думая, царевна скинула праздничное одеяние, украшения и аккуратно сложила их поодаль. Она расстелила свою постель и с большим усилием затащила на перины служанку. Затем царевна сняла с нее платок, сарафан и туфли. Она укрыла девушку одеялом – так, чтобы почти не было видно лица.

После этого Витария нашла в шкатулке для рукоделия ножницы. Она встала перед зеркалом, решительно сжав в одной руке лезвия, в другой – свою косу. Пламя свечей отражалось в голубых глазах, придавая лицу грозный вид. И царевна принялась за дело...

Нет сомнениям! Назад дороги нет! Она не станет женой шута. Она не будет помогать какой-то волшебной щуке.

Но как быть с околдованным батюшкой, с царством? Нельзя же оставить его во власти колдуна? Впрочем, чем она поможет? Да и на вопросы никто во дворце ей не ответит. Нужно бежать в леса и искать мудрых людей! Искать подмогу...

Сердце царевны захлебнулось болью, на миг ее обездвижила мысль об Инальте. Как же поступить? Только в детских сказках царевны могли обхитрить стражу. А Витария даже не знала, где находится темница...

Царевна отругала и подбодрила себя словами, которые слышала от стражников. Локон за локоном падали на ковер рыже-пламенные волосы. Затем они легли на свое обычное место на подушках отдельно от истинной владелицы.

Как умно придумала царевна! Теперь и батюшка не отличит спящую служанку от дочери. А сама Витария, капризная Несмеяна, стала простой девушкой Витой. Она спрятала короткие волосы под платок, надела сарафан служанки и ее обувку.

Немного подумав, царевна завернула в кулек кое-что из своих вещей и драгоценностей. Медальон с портретом ма-тушки, как и прежде, она положила ближе к сердцу. Царевна читала, что в дороге нужны веревка и нож. Вместо веревки она нашла длинные ленты для волос. Нож отыскала рядом со свиньей-стражником.

Во тьме мелькнуло черное пятно. Тень-кошка потерлась о ногу царевны. По выгнутой спине пробежали искорки глаз.

– Да кто же ты? – Вита поначалу отшатнулась, а потом все поняла. – Ты не желаешь мне зла? Ты никогда не нападала на меня... Ты не слуга щуки, ты была здесь раньше! Но... чего же ты хочешь?

Тень ничего не ответила царевне. Она отбежала дальше, перепрыгнула через хряка. Затем оглянулась, мяукнула: не по-кошачьи, а как-то иначе, низко, гортанно. Кошка будто звала Виту за собой.

– Ты... – несмело вымолвила царевна. – Ты отведешь меня

к Инальту?

Тень вновь издала странный звук. В нем Вита услышала: «да». Или показалось?

– Тогда я иду! – прошептала царица. – Я пойду за кем угодно, лишь бы выволить Инальта! – она огляделась. – Прощай, дворец... Прощай, царь-батюшка. Если боги будут милостивы, я вернусь и спасу тебя.

С этими словами она последовала за кошкой.

Тем временем молодой дружинник Инальт Богат безвинно томился в темнице на окраине городской крепости. Как бросили его за решетку два дня назад, так с тех пор никто не появлялся. Ни пищи, ни воды чистой ему не принесли. Ни пучка соломы не дали, чтобы положить на холодный пол.

Инальт поначалу ждал, когда его поведут на казнь. Потом решил звать охрану, чтобы требовать справедливости. Затем принялся кричать и отчаянно грязно браниться. Инальт рычал и выл, молил и взывал к справедливости, но слова оставались без ответа.

Вот какое наказание назначил ему владыка! Не оскотение и не отсечение рук, что притрунулось к царевой дочке, не сожжение заживо за измену, не четвертование, не кол под ребро и не колесование... Инальта просто бросили подышать в яму, точно собаку! Заточили в кандалы верного государева пса и забыли о нем.

Когда третий раз померк скупой свет, просачивающийся через узкую шахту в потолке, Инальт умолк. Он опустил за-

кованные в цепи руки, устало смежил веки и замер в углу камеры.

Мысли его обратились к царевне Витарии. Как она там? Что с ней? Выбрала себе жениха или нет, льет слезы или смеется? Быть может, она тоже подверглась наказанию? Или, еще хуже, стала жертвой жуткого лиха!

Страх за возлюбленную, точно кулак, ударил в грудь, выбил дыхание, но затем придал Инальту сил. Он распахнул глаза, вскочил на ноги, готовый выломать железные прутья. И в этот миг вдруг заметил, как будто вокруг стало светлее.

По коридору пробежал отблеск от пламени факела. Раздались легкие, тихие, но уверенные шаги. Кто-то быстро приближался. Инальт со стоном поднялся, прижался лицом к прутьям решетки. Что-то брякнуло, скрипнуло, и через некоторое время он увидел силуэт невысокой девушки.

Еще через миг она подошла к решеткам. Волосы были спрятаны под платком, серый сарафан. Лицо было опущено вниз, Инальт не мог его разглядеть. Однако он отчетливо видел, что в руках девушка держит тяжелую связку ключей!

Взгляд Инальта упал ниже, движение привлекло его внимание. Он охнул и попятился назад, охваченный ужасом. В свете факела юноша различил нечто темное, движущееся, поблескивающее множеством глаз. Кисельная чернота сжалась в комок, приподнялась и обратилась чем-то навреде кошки.

– Не беспокойся, Инальт, она за нас, – услышал юноша

милый знакомый голос.

– Витария! – не сдержал он удивленного крика. – Как ты...

– Это все она, – царевна кивнула на кошку. – Вывела тайными ходами из дворца и помогла тебя отыскать...

Витария спешно принялась перебирать и примерять ключи к замку. Вскоре темница была открыта и пали железные кандалы. Инальт обнял царевну, покачнулся. Он ощутил, как обессилел за эти дни. Витария обхватила его руками, поддержала, всхлипнула, едва сдерживая слезы.

– Надо спешить, милый мой, – прошептала она, отстранившись. – Не только кошка помогла мне, но неволью поспособствовало и вражеское колдовство! По слову Емельяна Филина, что прибыл за моей рукой, вся стража обратилась в свиней.

– В свиней?! – не поверил своим ушам Инальт.

– Но я не знаю, долго ли это продлится, – добавила царевна.

– Что за колдун? – нахмурился Инальт.

– Опасен не столько колдун, сколько мавка, щука речная, пришедшая с ним! Но я все расскажу по дороге, – Витария потянула его за собой. – Нам надо бежать!

Глава 6

Судьба Лучии

В сказках о трех сыновьях или дочерях обыкновенно рассказывается о судьбе младших или единственных, о самых любимых чадах родителей. Известно множество сказаний о подменышах – детях, кто благодаря злой воле нелюдей были украдены из родного дома, подменены на колоду или большого альва.

...Но задумывались ли вы, какова судьба тех, кто вовсе не родился?

Народная молва нарекает рано умерших, не посвященных богам младенцев: навь, игоша, нечистый. У нерожденных даже нет названия. У тех, кто погиб в утробе матери, будучи в одном шаге от света, от жизни, от любви, – нет имен.

Но в мире, где тонкие царства духов и плотные пласты людей сливаются; там, где властвует волшебство, а леса, поля и водоемы полны тайной жизни, порой случаются темные страшные чудеса.

Вышло так, что жажда жизни пересилила саму смерть...

Однажды юная жрица Лучия из Южной страны вечного лета отбилась от своих подруг и заплутала в лесах Северных королевств. Она шла день и ночь, а пуща становилась только темнее и глуше.

Беда не является одна, крики Лучии о помощи услышали разбойники. Но, слава Единому, откуда ни возьмись появился охотник на белом коне. Зычным голосом и вострой саблей он прогнал разбойников.

Молодой мужчина был так смел, что сразу покори́л сердце Лучии. К тому же он оказался необычайно вежлив и хорош собой. Жрица поверила в благородство спасителя и доверилась ему.

Мужчина объяснил, что до ближайшего поселения путь неблизкий, а день на исходе. Он отвел девушку в охотничий домик. Он потчевал гостью изысканными яствами и напитками. На следующее утро они оба поняли, что не хотят покидать этот небольшой, но надежный и уютный дом посреди осеннего леса.

– Твои зеленые глаза будто смотрят в мою душу, видят меня насквозь, – говорил охотник, улыбаясь. – Я не смогу жить без этого взгляда. Я погибну, если ты не подаришь мне еще один твой поцелуй, Лучия...

И она дарила: поцелуи, нежность, заботу, страсть. Всю осень и часть зимы возлюбленные провели вместе. Правда, сердечный друг часто отлучался. Порой его не было много дней. Лучия сильно тосковала, но никогда не унывала.

Она сама колола дрова и пекла хлеб. У охотника она научилась ставить силки и разделывать мелкую дичь. К духам леса жрица Единого относилась с уважением, порой оставляла им дары. Те отвечали ей взаимностью, не трогали и не

подшучивали. А любимый всегда возвращался с гостинцами.

Однажды Лучия ощутила внезапную слабость. Голова ее закружилась, белый свет потемнел. И съеденная утром пища покинула нутро, выплеснувшись на снег.

Поначалу женщина думала, что тому виной несвежий хлеб, но вскоре обнаружила, что ее живот округлился. Лучия поняла, что носит под сердцем драгоценный дар – дитя.

С тех пор тоска совершенно покинула ее сердце, ведь Лучия больше не была одна! Может быть, теперь любимый заберет ее с ребенком в более теплый, просторный дом, к своей семье, к людям.

Но когда Лучия поделилась доброй вестью и мыслями с охотником, случилось то, чего она никак не ожидала. Вместо радости того охватил гнев! Все благородство куда-то пропало. Он кричал, размахивал руками, бранился:

– Да знаешь ли ты, кто я такой? Ты девка глупая, южанка избалованная! Незачем царю Кривхайна такая обуза! Достаточно мне и царицы. Та вон тоже капризничает дни напролет и жалуется на недомогание.

Так Лучия узнала, что отдала себя не простому охотнику, а самому владыке этих земель. Она узнала, что у него есть жена и что она тоже на сносях. Лучия поняла, что не любима и не нужна более.

Шел первый теплый месяц весны, когда молодая женщина покинула охотничий домик. Она не знала этих мест и от-

правились куда глаза глядят.

Пока на Севере властвовало лето, Лучия добывала пропитание в лесу. Порой находила и помощь в деревнях, у добрых селян, взамен на работу. Осенью все изменилось.

Срок родов настал в паре с неласковыми холодами. Лучия так отяжелела, что никто не желал брать ее в работницы. Не нашла она жалости в сердцах людей. Глух был и Единый Создатель к ее молитвам.

Однажды Лучию настигла страшная боль. Она накатывала волнами, то доводя до исступления, то отпуская. Несмотря на заморозки, женщине стало очень жарко, одолела тошнота и сильная жажда.

Желая напиться воды, измученная схватками Лучия подошла к реке. Берег был достаточно крут, а водица манила чистотой и прозрачностью. Женщина наклонилась к ней, протянула руку. Но не удержалась и упала в реку.

Место было дикое. Только звери и водяные. Не нашлось рядом никого, кто бы помог Лучии.

Ее прежний спаситель, благородный охотник, даже не помнил о ней. Владыку Кривхайна мучили собственные заботы. В этот самый миг он горевал над другой женщиной. Родившая накануне царица лежала бездыханная на площади под окнами женского терема.

Течение злой судьбы подхватило и Лучию. Волны заглушили ее крики. Холодная вода остудила жар и уняла боль.

На последнем вздохе, ощущая, как холод жжет горло и раздирает грудь, Лучия воззвала к богам и Единому. Вся ее неизлитая нежность и любовь обратилась к младенцу, что рвался к жизни.

Духи реки услышали мольбы и взяли ребенка к себе...

Так погибла Лучия. Так не родилась, но появилась на свет ее дочь: не дева и не рыба, не человек и не дух, не живая и не мертвая. Так порой случается в мире, где властвуют законы волшебства, а тонкие царства духов и плотные человеческие перемешиваются.

Не будучи названной родительницей, дочь взяла себе ее имя. Уже во чреве матери душа ребенка все видела, слышала и понимала. Она запомнила все.

Как и у других созданий, у младшей Лучии была невинная пора детства. Тогда восторг миром затмевал поселившуюся в душе черноту. Ее друзьями стали хищные рыбы, реч-

ные русалки, болотные кикиморы. Даже полудницы любили играть с необычной зеленоглазой девочкой, которая не была из их рода, но и не была человеком.

Они рассказывали ей свои истории и учили только им ведомому колдовству темных духов. Лучия была необычайно талантлива. Когда же она повзрослела, то овладела и женской наукой оболъщения. Она поняла, что волю мужскую поработает не нежный взгляд и преданность, но иное...

Однако потребность в ласке свойственна всем созданиям Творца. Она напонила Лучии о случившемся с матерью, об отце-предателе. Жажда любить и быть любимой нашептала о безвозвратно потерянном. И лютый гнев придавал небывалых сил.

Лучия улыбнулась своим воспоминаниям и бросила взгляд на спящего на троне царя. Глаза ее заволокло туманом скуки. Алые губы презрительно скривились, придав изящному лицу жуткое выражение.

Вот он, ее родитель, – смелый охотник и мерзкий изменник. Его борода поседела, но осанка не утратила стати, а черты – благородства. Сразу видно, много женских сердец погубил царь. Но пришло время расплаты. Его сердцем отныне будет владеть лишь взгляд Лучии – той, которая любила его до самой своей гибели.

Речная оборотница поднялась с трона и склонилась над подарком, лежащим на столе. Она бережно завернула глаза матери в тряпицу, завязала и укрепила ее на бечевке. Рас-

стегнув кафтан на царе, она повесила кулек под его рубаху.

Через разноцветные стекла окон пролилось солнце. Холодный осенний день оживил столицу. На улице раздались голоса. Кое-кто из усыпленных хмелем и колдовством гостей начал ворочаться. Пора было браться за дело и щуке.

Многие чары придется сплести, чтобы окутать неведением не только владыку, но и его приближенных. Все они должны думать, что знали Лучию – младшую царскую дочь с самого ее рождения, что была она во дворце всегда. Что же до старшей...

В силах глуповатого, но веселого Емели оборотница не сомневалась. Она проверила на себе и оценила его страстный пыл. Его руки, не огрубевшие в тяжелых трудах, были ласковыми и умелыми.

К тому же царевна ли, простая крестьянка – каждая женщина ценит искренность. А в этом Емеля был что ребенок. Несмеяна – такое же дитя, поупрямится и сдастся.

Но не все шло согласно задумке речной оборотницы. Вскоре обнаружилась пропажа царевны. Емеля прибежал в покои, которые заняла Лучия, с недоброй вестью и рыжей косой в руках.

– Несмеяны нигде нет... – сообщил он, задыхаясь от волнения. – На ее ложе какая-то полуголая девка... визжит, рыдает. А от царевны только волосы остались!

– Что ж, не видать тебе царства, голубчик, если не отыщешь беглянку, – спокойно ответила ему Лучия. – Ступай

к царю, он знает тебя как жениха царицы. Доложи ему обо всем. Пусть даст ратников. А я помогу вам по-своему... – речная оборотница отняла у Емели рыжую косу и поднесла ее к лицу, провела носом, принюхалась. – Дурочка идет вдоль воды... Пока поблизости будет хотя бы ручей, я подскажу тебе, где искать царицу. – Ее глаза вспыхнули зеленым пламенем. – Верни Несмеяну во дворец!

– Будет сделано, – поклонился Емеля.

Когда он ушел, Лучия приблизилась к окну. Перед ней простиралась площадь, разделяющая общий терем и женский, высилась башня, в которой жила царица. Нечто странное привлекло внимание оборотницы.

На площади прямо под окнами застыл силуэт женщины: высокая царская корона была на ней, пышный сарафан. Но и корона, и сарафан – весь ее образ был будто соткан из самой тьмы.

Обе женщины пристально смотрели друг на друга, изучали. Вдруг неподалеку залаяла собака. Тень на площади вздрогнула, обратилась черной кошкой и исчезла.

– Ты кто еще такая? – оскалилась Лучия. – Что за лягушка мерзкая? Пожирательница боли, горя и слез...

Глава 7

Беглецы

– Ты больше не плачешь и как будто повеселела, – заметил Инальт Богат.

– За стенами дворца мне словно стало легче дышать, – призналась Вита. – Мне тревожно за батюшку, обидно за дом, но век бы туда не возвращалась.

– Мы отправимся к моему отцу, – рассудил Инальт. – Князь Богат владеет небольшим войском, его уважают и царские воеводы. Они прислушаются... Мы все расскажем и соберем подмогу!

– Ты славно придумал, – Вита смущенно опустила глаза к костру.

– Что случилось? – нахмурился Инальт. Неужели он сделал что-то не то, допустил грубое слово при царевне?

Та провела пальцами по своим коротким взъерошенным волосам. Инальт забрал у свиней-стражников оружие, теплые плащи и шлемы. Теперь он выглядел как ратник, а юная царевна походила на мальчишку-новобранца.

– Я обрезала свои косы и лишилась красоты, – пожаловалась Вита.

– Вовсе нет, – возмутился Инальт. – Признаться, я даже не заметил, – соврал он во благо. – Не платья царские и не во-

лосы длинные дарят красоту женщине... – сказал он и тоже опустил глаза, смутившись. Вдруг Вита подумает не о том, что он имел в виду?

Беглецы давно покинули и крепость, и белокаменную столицу. Пламенеющие багрянцем осенние леса укрыли их от глаз людей. Они шли весь день и к вечеру оказались далеко от людских жилищ.

Только птицы, звери и лесовики могли увидеть девушку и юношу. Приближающаяся ночь наполнилась тайной жизнью, шорохами, вздохами ветра. Но никто не трогал двух путников. Свет пламени отпугивал многих лесных жителей, у остальных по осени были свои заботы.

Инальт любовался огнем, он напоминал ему Виту, которой открыто любоваться он себе не позволял. Рыжие локоны, рыжие брови и трепещущие рыжие ресницы, а под ними прячется взор голубых глаз – нет на свете девы красивее. Как она может сомневаться в себе?

Юноша сам не заметил, как перевел взгляд на Виту, сидящую напротив. Она посмотрела на него. Ее губы дрогнули, и улыбка осветила лицо ярче пламени. Кажется, впервые в жизни Инальт видел эту улыбку.

Вита подалась к нему ближе. Он уловил ее теплое дыхание, девичий запах. Каждая его частица потянулась к ней навстречу. Их губы соприкоснулись на миг. И вновь оба отпрянули, сильнее лесных духов испугавшись того, что ощутили.

Сердце Инальта охватил трепет, священные слова было

коснулись уст. Он хотел произнести важное, но что-то сдавило горло.

– Я... – вымолвила царевна.

Но в глазах ее вдруг промелькнул ужас. Страшное предчувствие, тревога скрутила и нутро Инальта. Слова остались невысказанными.

Где-то вдали взвыли волки. Закричала хищная птица. От ручья, бегущего неподалеку, пахнуло замогильным хладом. Затрепетали листья осины, посыпались золотым дождем.

Инальт упал на землю, приложив ухо к земле.

– Что ты слышишь? – прошептала Вита, съезжившись.

– Слышу, как земля дрожит от конских копыт, – ответил юноша, вставая со мха.

Он спешно затоптал их костерок, схватил кое-какие вещи и скомандовал:

– Бежим!

Погоня настигла их быстрее, чем ожидал Инальт. За деревьями показались огни факелов. Дружинник принялся считать: один, два... четыре... шесть... Только бы не его товарищи. Меч тяжелее вдвойне, если приходится поднимать его на того, с кем воевал бок о бок.

Инальт прислушался, и по спине его пробежали мурашки. Спасибо богиням, при всадниках не было собак. Но иная сила вела ратников по следу беглецов!

Сквозь злой вой ветра и скрип ветвей дружинник расслышал жуткие звуки. Точно скотный двор оказался поблизо-

сти! Храпели и стонали кони под седлами, а сами седоки визжали, хрюкали, рычали...

По тому, как похолодели пальцы царевны в его руке, Инальт понял, что и Вита услышала это хрюканье. Страх пробрал льдом до самых костей. Инальт боялся увидеть прежних боевых товарищей, не то что вступить в бой!

Но иного выхода не было. Посланцы колдуна подобрались совсем близко.

– Беги, – прошептал он Вите, отпуская ее ладошку. – Беги...

– Нет, – всхлипнула царевна. – Я не оставлю тебя! Нам нельзя разлучаться!

– Направляйся вверх по ручью! – строже приказал юноша. – В той стороне мой родной дом.

– А ты?

– Я догоню тебя...

– Но ратников так много! – настаивала царевна.

– Думаешь, я с хряками не справлюсь, что ли? – рассмеялся Инальт. – Только запомни важное – на развилке беги направо! Не сворачивай налево! Ближе к Озерному краю почва зыбкая, ручьи и болота...

– Инальт... – простонала Вита.

– ...Я люблю тебя! – обернулся он к ней.

Прежде чем сразиться с неравной колдовской силой, он должен был признаться! Кто знает, будет ли другая возможность? Увидятся ли они снова?

– Я люблю тебя, Инальт... – Подавшись ближе к юноше, Вита горячо и надолго прильнула губами к его губам.

Будто солнце вспыхнуло в этот миг в груди Инальта, и темный страх истлел в его лучах. Руки налились невероятной силой, в ладонях закололо от жара. Меч сделался точно пушинка. А враг показался смешным и жалким.

– Мы скоро встретимся, обещаю, – твердо сказал Инальт, размыкая объятия. – Не медли! Уходи!

Не помня себя от горя, почти не видя ничего от отчаянья, Вита побежала вдоль ручья. Ветви безжалостно хлестали ее по рукам и лицу, так и норовя выколоть глаза. Каждый шаг сулил опасность: то пень трухлявый на пути, то овраг.

Но неистовый поросячий визг подхлестывал лучше плети, не давая замедлить шага. Вскоре она услышала, как зазвенели мечи. Свершилось! Погоня настигла Инальта! Вита всхлипнула и ускорила шаг.

Несколько раз она оступалась и падала. Что-то схватило ее за подол платья. Сначала царевна испугалась, хотела было заплакать по привычке. Но потом она разозлилась не на шутку, дернула и вырвалась, оставив кусок ткани в сухих сучьях.

Вскоре огни и звуки погасли, и темная ночь окутала Виту со всех сторон. Теперь только шелест воды и шорохи лесных жителей нарушали зябкую тишину. Царевна укуталась в кафтан, спрятала руки в длинные рукава.

Волнение отпустило, ей стало холодно и страшно. Только бы не встретить волков, медведей или еще хуже – лесную

нечисть. Ах, лучше бы она осталась с Инальтом.

– ...Идти вверх по ручью, – еле слышно повторяла самой себе Вита. – Вверх по ручью... У развилки... – она запнулась, округлив глаза. – Направо или налево?

Вот где пригодились бы уроки учителей, но царевна капризничала, не желала учиться. Она и в обычной жизни путала лево и право, а уж теперь! Не помнила она и карты царства. Где находился этот Болотный край? Или Озерный? На западе или на востоке?

Когда Вита скрылась в ночной мгле, юноша ловко взобрался на дерево и затаился в ветвях древнего дуба. Свет становился все ярче. Все громче делались визги и довольные похрюкивания.

Всадники поняли, что настигли добычу. Они не спешили. Пробираться по дикому лесу на лошадях было непросто.

Как только первый поравнялся с дубом, Инальт прыгнул на него сверху. Одним взмахом меча он перерезал горло и, сбросив врага с седла, занял его место. Еще двоих Инальт встретил уже верхом. Клинки сошлись. Ночь прорезал оглушительный звон стали.

Инальт стиснул зубы от омерзения. Были ли то его бывшие товарищи по оружию – не угадал бы и сам бог Войны! Отвратительные рожи свиней кривились на человеческих телах. Из-под колпаков торчали щетинистые уши. Хряки зло скалились, обнажая клыки, и хрюкали, брызжа вонючей слюной.

Инальту удалось ранить еще одного всадника, когда подошли остальные. Они обошли его со всех сторон, мелькая между деревьями, ища удобный момент. Кто-то бросил факел под ноги коню Инальта. Лошадь обожгло, она испугалась и встала на дыбы.

Инальт не сумел удержаться, выпустил поводья, но не меч. Он упал на бок, ловко перекатился и вскочил. Видя, что его обступают все плотнее, юноша яростно взревел и бросился в атаку.

Может, он и обманул Виту. Может, не увидеться им более. Но он сделает все, чтобы задержать ратников. Пусть царевна убежит как можно дальше. Если позволят боги или духи леса, она найдет верный путь в земли Богатов и к спасению.

Нервно кусая губы, Вита застыла у развилки ручья. Слабый отблеск звезд серебрился на воде. Горячие слезы катились по девичьим щекам.

Какая же она глупая! Что там говорил Инальт: право или лево? Куда ей идти? Кто бы подсказал!

Ответ пришел внезапно. По правую руку царевны во тьме леса разлился глубокий пронзительный вой. Позади Виты раздался шорох и хруст ломаемых веток.

Царевна хотя и не любила учиться, но знала из рассказов отца-охотника, что волки подкрадываются бесшумно. Значит, это кто-то из всадников шел по ее следу... В следующий миг испуганно заржала лошадь.

Не раздумывая больше, Вита бросилась в левую сторону.

Тьма стала гуще. Кажется, вокруг царевны поднимались ели, под ногами раскинулись мягкие мхи. Кустарник поредел, и идти стало проще. Вита бежала вдоль ручья, не останавливаясь ни на миг.

В груди от усталости застыл ком, ноги одеревенели. Но царевна упрямо шла вперед до самого рассвета.

Когда же поднялось солнце и небо за высокими елями озарилось светом, Вита упала на мшистый ковер. Она думала лишь отдышаться, отдохнуть самую малость. Но веки ее сами собою сомкнулись, и предательский сон пленил царевну.

Вите снилось, будто дома она и идет по улицам столицы. Позади нее белокаменный дворец, впереди темнеет река. И от набережной к ее ногам, обутым в золотые сапожки, вода струится.

И цвет у нее такой неприятный, черный да мутный. Солнечный свет в ней не отражается, а тонет.

Огляделась царевна и видит, что между привычными домами прямо по воздуху рыбы плавают. А на лицах у горожан – рыла свинные. Они смотрят на нее, хрюкают, хохочут:

– Несмеяна вернулась! Несмеянка! Поглядите! А где же косы твои, красавица? Убежала за парнем да и потеряла косы?

– Я убежала с любимым! – ответила им царевна.

– Ха-ха! Поглядите на Сметанку-несмеянку! Подарила свой первый поцелуй служивому! Кому ты теперь нужна будешь?

– Да вы сами на себя поглядите! – зло крикнула им Вита. – Свиньи!

Пошла она дальше и вдруг видит – на перекрестке стоит вещий камень, как в сказках. Прочитать Вита не смогла, но она точно вспомнила, что на нем обычно пишут:

«Направо пойдешь – коня потеряешь, себя спасешь. На-лево пойдешь – себя потеряешь, коня спасешь. Прямо пойдешь – и себя, и коня потеряешь».

– У меня нет коня, – вспомнила Вита. – Мне нужно было идти направо, чтобы спасти себя...

Глава 8

Серый волк

Инальт очнулся от удушья. Сперва он решил, что умирает. Но, распахнув глаза, юноша понял, что это туша павшей лошади прижала его к дереву, сдавив грудь. С трудом Инальт выбрался из капкана и глубоко вздохнул.

Он не умирал и даже не был ранен, кости были целы, только голову ломило от удара. В пылу боя он получил по затылку и отключился. А вот что было дальше, юноша не ведал.

Он перелез через лошадь и огляделся. Тошнота подкатила к горлу от увиденного. Земля побурела от крови. Повсюду лежали свинолюди и их кони. Все были мертвы...

У кого было распорото брюхо, у кого оторваны конечности, горло перерезано или... Инальт разглядел страшные рваные раны. Ратники были загрызены!

Он помнил, что лично убил лишь троих, еще одного серьезно ранил. Но оставались другие. В пылу битвы он не успел разглядеть, пересчитать. Теперь же все были мертвы! Как ему самому удалось уцелеть, одним богам известно. Должно быть, туша лошади его скрыла от глаз... но чьих?

– Вита! – охнул Инальт, схватившись за голову.

Он отправил царевну одну в лес, где рыщет стая ночных чудищ! Вот же сообразил!

Юноша хотел было броситься за любимой, но передумал. Был другой выход! Он принялся осматривать лошадей. Вдруг кто-то из них да уцелел?

Ему почудилось, что где-то невдалеке он слышит тяжелое дыхание. Но, приблизившись к тому месту, вздрогнул. Не конь, а огромный серый волчище лежал за пригорком шагах в десяти.

Инальт покрепче сжал меч и бросился на зверя. Тот поднял на него морду. Золотисто-карие очи посмотрели на юношу без злобы. Во взгляде читалось некоторое удивление и мука. Словно был то не зверь, а человек. Человеческого в его морде уж точно было больше, чем в глазах ратников со свинными рылами.

– Пощади меня, добрый молодец, – вдруг раздался хрипловатый голос. – Мои детки ждут дома... А я уж заплачу – послужу тебе, если смилостивишься.

– Ты говоришь на нашем языке? – воскликнул Инальт, уставившись на чудище. – Кто ты такой?

В ответ ему прозвучал человеческий смех. Серое туловище дрогнуло, уменьшилось, расплылось. И вот уже на мхе возникла девица. Отсмеявшись, она всхлипнула, поморщилась и прижала руку к телу.

– Плечо вывихнула, боль лютая... – пожаловалась она. – Думала, отлежусь, но не помогло. Не убивай меня, добрый молодец!

– С чего бы это? Я оставляю тебе жизнь, а ты обратишься

и загрызешь меня или еще кого-то... – Иналът недоверчиво оглядел девицу.

Она была одета только в недлинную волчью шкуру, да на шее висело какое-то самодельное ожерелье из бусинок, монеток, перьев и косточек. Всклоченные пепельные локоны прикрывали плечи. Взгляд охотника, свойственный волкам, потух. Ни следа крови не осталось от недавней бойни на милом личике. Теперь на юношу смотрела беззащитная дева, молящая о помощи.

Но Иналът не был простачком, он знал этот взгляд и улыбку – артистка! С такими стоит быть начеку. А эта еще и оборотница.

– Может, я полезной тебе окажусь, – вымолвила волчица. – Моя семья сожрала ваших лошадей. Но, если что, ты можешь и на мне поскакать. Домчу куда нужно, лучше любого коня.

На миг Иналът замер. Услышанное почему-то вогнало его в краску.

– ...Ты шутишь, что ли, так? – наконец произнес он, стараясь смотреть в глаза незнакомке, чьи стройные ноги были почти полностью оголены.

Та бесстыже сверкнула белыми зубками, хохотнула, но сквозь смех заскулила. Ресницы ее намокли от слез. Видимо, боль и впрямь была нестерпимая.

– погоди, сейчас поправлю твое плечо, умею, – нахмурился Иналът, мысленно отругав себя. Ох, как быстро отклика-

ется доброе сердце на девичьи слезы. – И не нужна мне ответная услуга... – тихо пробурчал он. – Вот еще, придумала, буду я скакать на волчице по лесу.

– В сказках молодцы ездят на волках, – фыркнула та. – Обычно так сказывают...

Инальт взялся за руку девицы, нажал где нужно, дернул. Та истошно взвыла, закатила глаза. Но сустав вернулся на место, и вскоре боль отступила.

– Меня зовут Лита, – слабо проговорила волчица, потирая руку. – Из стаи Луносвета.

– Я Инальт, – представился юноша. – Из княжеского дома Богатов.

Он протянул Лите свою ладонь и помог ей подняться.

Предчувствие опасности развеялось. В человечесем облике волчица была меньше юноши на голову. Совсем молоденькая, ровесница Виты, быть может. Но по сравнению с белолицей и румяной царевной по-мальчишески худая, с золотистым загаром, сохранившимся с лета.

– Лучше бы нам уйти отсюда, Инальт, – Лита закуталась в шкуру и оглядела поле боя. – Скоро падальщики лесные подспеют. А они живых не любят...

– Далеко ушла твоя стая, нагонишь? – спросил он, шагая в сторону ручья.

– Это не важно, я найду их след... – с неохотой ответила Лита.

– Почему они оставили тебя одну? – неодобрительно поинтересовался юноша.

– Вожак приказал, – с явной неохотой отозвалась волчица. – Я могу и без стаи обойтись.

– У тебя сложный характер, – догадался Инальт.

– Не твое это дело, – огрызнулась Лита, но, спохватившись, подарила спасителю ласковую улыбку.

– Дерзкая ты, – ухмыльнулся тот.

Ни вожаки, ни воеводы таких не жаловали. А у волков, насколько знал Инальт, многое решали еще и главные волчицы. Наверняка они молодуху наказали за что-то. Старших нужно уважать, какими бы они ни были. В одиночку в лесу тяжело.

– Надеюсь, вы помиритесь, – заключил юноша. – Эти леса мне знакомы с детства, зимой в одиночку здесь погибнуть можно. Удивительно, я никогда не слышал о вашей стае... Вы волкодлаки?

– Так мы тихие, – вздохнула Лита. – Иногда в города даже

приходим. – Заметив негодование Инальта, она рассмеялась и коснулась ожерелья на шее. – Да за бусиками. Вы называете нас волкодлаками, мы же именуем себя детьми леса. Вас и волков мы считаем дальней семьей. А своими мы не питаемся и не убиваем, – Лита огляделась, – без крайней нужды. Мы не терпим всяких свинодлаков на наших землях. Мерзкое темное колдовство...

– Свинодлаки, – с усмешкой повторил Инальт. – Они были врагами и мне. Наверное, я должен поблагодарить твою семью за помощь.

– Что ж, выходит, мы в расчете, – кивнула Лита.

– Мы в расчете, – согласился Инальт. – Тебя детки ждут. Да и я спешу...

– ...Ах, пошутила я про деток, – застенчиво улыбнулась Лита. – Не встретила я еще своего друга сердечного.

Она с интересом заглянула в глаза Инальту. Тот, ощутив ее интерес, смутился и нахмурился.

– Уверен, такая красавица быстро найдет свою судьбу. А мне нужно нагнать свою...

– Вот оно как, – волчица опустила глаза. – И все же, Инальт...

Она скользнула рукой под шкуру и, сняв с ожерелья одно из украшений, протянула его юноше. Инальт принял дар: на его ладони оказался перевязанный бечевкой небольшой волчий клык.

– Молочный, что ли? – Он не сдержал улыбки и вопроси-

тельно поднял брови: – Для чего?

– Кто знает, как оно сложится по судьбе, – улыbnулась ему Лита. – Если понадобится – позови, и я найду тебя.

– Спасибо, – проговорил Инальт. – Но... как?

– Волчьи тропы отличаются от людских, – рассмеялась Лита. – Легкого пути, друг!

– И тебе... – Инальт едва успел ответить новоявленной подруге.

Вмиг обернувшись зверем, Лита махнула хвостом и скрылась в утренней дымке. Будто бы и не было ее. Инальт поглядел ей вслед, потрогал ноющий затылок.

Не привиделось ли ему все? А может, стоило попросить Литу о помощи? Вдруг Вита заплутала?

О тайных волчьих тропах он тоже кое-что слыхивал от стариков... Вроде бы и люди могут по ним ходить, если знают как.

Подумав, юноша покачал головой. Цена была бы слишком высокой. Дикарка не ведает людских приличий. Царевна вряд ли оценила бы такую компанию.

Все мысли Иналта обратились к Вите. Найдя ручей, он осмотрел землю вокруг. Отпечатки от маленьких ступней Виты нашлись сразу. Юноша как мог торопился, но внимательно следил за следом. Мало ли что напугало царевну, и та отошла от тропинки.

Вдруг бранное слово сорвалось с его губ. Шагах в двадцати Инальт обнаружил еще один след! На глинистом берегу

ручья темнел четкий абрис незнакомых дружиннику казенных сапог, но с более высоким каблуком, какие носили знатные люди.

Ох, не всех преследователей разглядел Инальт! Не всех их сожрали волки! Видимо, кто-то успел уйти до нападения. И негодяй направился за Витой.

Глава 9

Хороший царь

Жуткий звук ворвался в сновидение. Будто бы долбили в дверь покоев кованой рукоятью меча, каблуками сапог. Вместо человеческих слов доносилось мерзкое «хрю»!

Царевна охнула, распахнула глаза и обнаружила себя в лесу. Усыпанные хвоей мхи, а не мягкие перины приютили спящую. Корни сосны укрыли от чужих глаз.

Но от всех ли? Вита затаила дыхание и прислушалась. Да нет, привиделось, не было слышно ни визга, ни хрюканья, ни грохота.

Уже смеркалось. По лесу разливался холодный туман и мягкая обволакивающая тишина. Ни звери, ни птицы не подавали голосов. Бывает ли в лесу так тихо?

Осознание происходящего нагнало сонный разум, и Вита задохнулась от ужаса. Она в лесу! Она одна! Она заблудилась. Да к тому же проспала весь день.

Тем временем надвигалась ночь, сильно похолодало. Вита перевязала платок на голове. Она подняла воротник кафтана, спрятала руки в длинные рукава и обняла себя покрепче.

Впору было заплакать. Что делать? Звать на помощь? Довериться судьбе? Повернуть назад и сдаться? Или сражаться – идти дальше?

Царевна выбрала слезы.

Как все было легко и просто в царском тереме: мягкая кровать, сытная и сладкая еда, теплая и красивая одежда. Даже заморские принцы уже не казались Вите такими уж противными. И так хотелось обнять любимого батюшку.

Почему она не ценила все это? А что теперь? Она замерзнет или умрет с голоду. Если раньше не растерзают лесовики да дикие звери. Или разбойники схватят ее, чтобы продать в рабство.

– Ина-альт, – тихо всхлипнула Вита. – Где же ты, милый? Инальт... Батюшка... – разрыдалась она. – Спасите меня... Помогите, кто-нибудь...

– Ну что ты, козочка моя, бедняжечка, не плачь, – послышалось издалека ласковое.

Вита замерла и расширила глаза. Голос был более высокий и нежный, нежели у Инальта, но все же мужской. Она медленно повернула голову в ту сторону, откуда он доносился.

– Я нашел тебя. Теперь все будет хорошо, – пообещал голос.

Из сгущающихся сумерек возник силуэт мужчины. Он не был ратником со свиным рылом, напротив, стройный и статный, в дорогом кафтане. В ореоле золотистых кудрей сияло улыбкой приятное молодое лицо. Юноша предложил Вите свою руку, и в этот миг она узнала его.

– Емельян... – прошептала она и отдернула протянутую было ладонь. – Колдун!

– Колдун, – гордо объявил он, не убирая своей руки. – А чего бы и нет? Ну же, давай, выбирайся из ямы. Это я хорошо отыскал тебя! Дальше-то опасные топи... Дорога нам только назад.

Подумав, Вита приняла помощь. Содрогаясь от холода, она встала рядом с колдуном. Ноги едва держали ее. Мучали голод и жажда.

Емельян ласково погладил царевну по плечу, жалостливо улыбнулся, прошептал что-то. В этот миг в руках у него появилась красивая шубка из собольего меха, с пышными рукавами и воротником, которую он накинул на плечи Виты.

– Спасибо тебе, – прошептала та, и радуясь теплу, и злясь на себя.

Ясно же, что темное колдовство. Быстро царская дочь сда-лась на его милость!

– Не кори себя, милая Витария, – ободрил ее Емельян. – Я тебя понимаю... Я бы тоже сбежал, если бы меня заставил кто жениться.

– Я не потому... – начала было царевна.

– Ну да, тебя обижали, Несмеяной кликали, – продолжил колдун. – И это мне понятно. Меня в семье тоже обзывали, не уважали.

– ...Ты навел морок на моего отца! – перебила его Вита.

– Ну, навел, – признал Емельян. – А как еще я должен был поступить? Вот послушай... – он замаялся. – погоди, давай разведем огонь, темнеет же.

Он вновь прошептал что-то. Витария так и ахнула. Зашелестело и зашуршало, лес будто ожил! Со всех сторон к ним поползли ветви и коряги, большие и маленькие. Сами собой они сложились шалашиком и вспыхнули. Ярко, живо, высоко взвилось пламя.

– Так вот, – колдун устроился на подкатившемся бревне и кивнул Вите на место рядом с собой. – У нас не было времени познакомиться с тобой, но я, клянусь тебе, нормальный парень. Послушай...

Вита зло скрипнула зубами. Но, увидев, как в руках у Емельяна появились две кружки с горячим дымящимся и сладко пахнущим ягодами напитком, подчинилась.

– Я родился и вырос в деревне, – начал свою историю Емельян Филин. – С детства видел, как народ угнетен. Год неурожайный, а царю что? Плати налог на землю! Соседи жмут в бока? Так мало царю своих ратников, он из наших мужиков самых сильных забирает. Уклонился, убежал – иди на каторгу, лес вали. А мы что? Только вилы держать умеем. Так вот мой папашка погиб, – юноша горько вздохнул. – Потом и мамка от тоски померла...

– От тоски? – Вита шмыгнула носом, проглотила слезы. – Моя тоже...

Емельян с пониманием посмотрел на царевну, провел пальцами по кружкам, вновь наполнив их.

– Ну и ты говоришь «колдовство», – продолжил он. – А чем прикажешь еще судьбу ворочать? Одно чародейство

остаётся... Нет у меня талантов к купечеству, как у братьев моих, нет силы богатырских кулаков, нет меча доброго, нет образования высокого. Народ вон воет, стонет, слова мои слушает, кивает, а бездействует. Я звал всех недовольных со мной идти к царю. Но они только письма собрали, а толку! Он их прочитает?

Вита отрицательно покачала головой. Ей стало грустно. Она прекрасно понимала, о чем говорит колдун.

– Царь-батюшка не только народ свой не слушает, но даже дочку родную, – всхлипнула она. – Я просила, я умоляла его сжалиться, ведь Инальт ничего плохого не сделал, он защитил меня от лиха! А отец все равно велел его в цепи заковать и на каторгу отправить...

– Такие они, цари, – фыркнул Емельян. – Чуть что, сразу на каторгу.

– А ты что, другим будешь? Хорошим? – вспомнила о своем гневе Витария. – Можно ли людей в свиней превращать? Угодно ли то богам?

– Коли превратились в свиней – значит, такими были внутри, – пожал плечами Емельян. – Что богам неуютно, так то они и не поощряют. А тут подсобили колдовством... Если не боги, то кто?

Колдун поглядел в глаза царевне, и не было в его взгляде злобы. Не был он похож на темного колдуна из сказок: тощего мерзкого старика. Не был он грубым бородатым моряком с Красного моря, не был темнокожим принцем с дальнего

юга, не был женоподобным альвом.

Перед царевной сидел простой парень с приятным лицом и доброй улыбкой. Простой крестьянский сын, зато сын ее родной земли. А в речах Емельяна была правда, которую не хотелось слушать.

Вита же вся полыхала изнутри от злости и обиды. Гнев на колдуна, на батюшку, на пропавшего Инальта, на саму себя разъедал ей нутро сильнее темной магии.

– Нехорошо это, – упрямо повторила она, – темным колдовством пользоваться.

– Нехорошо людей убивать, – пожал плечами Емельян. – Я в отличие от твоего батюшки ни одной души не загубил... Я колдовство на благо хочу использовать.

Вита не нашлась, что ответить, будто что-то ей уста сковало. А Емельян не настаивал. После горячих напитков он нашептал настоящий царский ужин: мяса печеного с яблоками, хлеба сдобного и пушистого, медовых пряников.

Емельян хотя и не был обучен грамоте, книг не читал, но оказался приятным собеседником. Он умел слушать и всегда добавлял: «Понимаю». Он многое рассказал Вите о жизни простого народа, какие-то смешные истории вспомнил, шутил, смеялся.

Мало-помалу царевна оттаяла, перестала хмуриться, аж по лбу тепло разлилось. Но она так и не улыбнулась.

Не было у Емельяна начитанности и образования, не было казны богатой и армии под рукой. Зато язык его был хорошо

подвешен во рту. Со всей искренностью и сердечностью поведал он царевне о своем горячем желании помогать и добро творить.

Емельян спас Витарию от холода и голода, от диких зверей и разбойников. Что же до лиха лесного, рядом с болотами и ручьями он был главным и самым могучим лихом. Как никогда он верил в свои силы. Поверила в него и царевна. Она размякла от питья и сытной еды, расслабилась в тепле и под боком сильного защитника.

Когда Вита задремала, Емеля оставил ее у костра, а сам отошел ближе к ручью. Он ступил во тьму, вслушался в говор воды, вдохнул полной грудью запах влаги.

Обольщать и очаровывать Емеля учился с детства, упражнялся на невестках юных, на соседках. Много ласки получил он в детстве от матушки. Он усвоил науку, познал женскую душу хорошо. Он умел лепить из нее то, что нужно ему.

Емельян убедил царевну Витарию в благородстве его помыслов. Он чувствовал, что та смирилась со своей участью. Она поняла: так проще, а может, и впрямь лучше. Будет Емельян Филин хорошим государем и ласковым понимающим мужем. Пусть и неверным...

Глядя в голубые глаза Виты, Емеля чувствовал только жалость. Видел он мельком этого колодника, с которым царевна бежала из столицы. Грубый вояка, подобные ему все силой только и решают. Да пусть бы и бежали они дальше, если бы не нужна была Несмеянка для заполнения престола.

Чумазая, коротковолосая, обозленная на весь белый свет царевна виделась Емеле скорее непослушной сестрицей, бодливой козочкой, нежели желанной супругой. Щечки круглые, да не там полнота – под сарафаном грудь едва наметилась.

Другие округлости будоражили ум Емели. Другой взгляд бередил душу, наливал тело жаром... Темный, глубокий взгляд, как зелень омутов. Белые пышные груди, манящие, но запретные алые уста.

– Где ты там, моя щучечка... – с тоской прошептал парень, глядя на водную гладь. – Кого ласкаешь этой ночью?

Да, не солгал Емельян, говоря, что не убил ни единой души в отличие от царя. Разве что случайно насмерть печкой задел в дороге да не заметил. Но смолчал он о том, что Лучии, чтобы жить во дворце, а не в водах реки, чтобы творить колдовство ее темное, требовались человеческие жизни.

– Если хочешь силу мою черпать, раз в десять дней приводи в мои покои молодцев, – сообщила ему Лучия после того, как они обосновались в царских палатах. – Да не ревнуй, не ревнуй, свет мой ясный. Что глаза отводишь? Вижу я твои мысли... Пойми, все же не жива я и не мертва, нуждаюсь в питании особенном.

Да, Емельян Филин свято верил в то, что станет лучшим правителем царства, нежели прежний владыка. А пожирательница юношей шука... Она отомстит обидчику и вернется в свою стихию. Не будет больше смертей. Только жизнь

и благо. А к милой Лучиюшке Емеля будет сам в гости приходить...

– Те молодцы целуют тебя в уста! – обиженно говорил Емеля. – Ты даруешь им свои объятия и то, что прячешь от меня?

– Глупенький ты, – смеялась щука. – Они жизнью платят за мои уста!

– За ласку твою можно и жизнью пожертвовать, – вздохнул Емеля, стоя посреди ночного леса. Умом погружаясь в воспоминания, а пальцами в прорезь ширинки.

Образ Лучии сделался четче, осязатее. Ночная тьма сплелась с туманами. Черная паутина волос упала на белые плечи. Изящные стопы коснулись мха.

Будто сама Лучия ступила к нему из воды. Сияющая во мраке леса нагим не знающим холода телом. Надменная, царственная, но тянущаяся к его теплу, принадлежащая сейчас лишь Емельяну.

Она приблизилась. Руки обвили его тело. От черных волос женщины веяло осокой и камышами, речными цветами и илом. Упругие прохладные груди прижались к его разгоряченной плоти. Сильные пальцы сжались, кольнули коготками сквозь ткань одежды, помогли развязать шнуровку.

Ах, как холодна была речная оборотница снаружи и как горяча внутри.

Вита впервые за долгое время ощутила себя в безопасности. Она укуталась в мягкий куний мех и уснула. Но череда

тревожных сновидений разметала надежную крепость уверенности.

Царевне привиделся батюшка, сидящий на троне: не живой и не мертвый, словно опутанный черной паутиной. Рядом с ним застыл Иналът – верный царев пес. Неясно, как Вита поняла, что это и есть ее возлюбленный друг, ведь вместо лица у юноши была звериная морда!

Едва сдержав крик ужаса, Вита очнулась ото сна. Костер, у которого она прилегла, догорал, но угли тлели жарко. В меховой шубке и у огня должно было быть тепло, однако царевна с трудом могла пошевелиться от холода.

Емельяна рядом не было. А сразу за кругом света будто молоком в ночь плеснули. От земли до крон деревьев повисла полупрозрачная вуаль туманов. Багровый свет углей танцевал на этом полотне, изредка выхватывая дикие образы.

Вита потеряла глаза. Не то любовники милуются, не то звери сношаются. Руки свиваются с руками, сплетаются ноги. Одна пара, две, три – не то человечьи тела, не то рыбы танцуют под водой. Гибкие тела извиваются, мелькают женские кисти, мужские... Они влекут к себе, подманивают пальцем.

– ...*Подойди поближе*, – шепчут призраки. – *Иди же... иди сюда...*

Белесо-ночную мглу прорезал стон наслаждения. Это был голос Емельяна. Вита затаила дыхание и расширила глаза. Ужас сковал ее, крик застрял в гортани.

Вот он, хороший царь – развратник, мерзкий колдун! Как

она может быть в безопасности рядом с ним? Это он привел злодейку, которая погубила батюшку-царя! Может ли быть хуже него лихо лесное, разбойники и дикие звери? Нет!

А она-то поверила! Поддалась на лживые речи! На темные чары!

Ощувив небывалый подъем сил и злости, Вита подскочила на ноги. Она перепрыгнула через бревно и, не думая, не разбирая дороги, бросилась бежать.

Емеля издал вздох наслаждения и распластался на земле. Призрачный образ Лучии над ним сделался зыбким, распался, вновь превратившись в туман. Остались лишь царапины на теле от ее прикосновений, запах и голос.

– Ты упустил ее, – прозвучал смех.

– ...Что? Кого? – Емельян потрянул головой, возвращая уму ясность.

– Царевну, – ответил голос речной оборотницы. – Смотри, упустишь ее – упустишь царство...

– Не упущу, – отмахнулся Емеля. – Куда тут бежать, одни болота кругом...

– Лови ее... Лови... – смех рассыпался, потонул в туманах и ночной мгле.

Глава 10

У порога смерти

Инальт шел вдоль ручья весь день, почти не останавливаясь. Он очень спешил. Судя по следам, его соперник ступал быстро и уверенно. Негодяй явно знал, куда держит путь.

Следы Виты были менее заметны. Порой они вели в сторону и потом кружили. Царевна будто теряла направление.

Дружинник был почти уверен в том, что преследователь уже нагнал Виту. И только молился богам, чтобы он не навредил упрямой девчонке. Та ведь, скорее всего, проявит норов, а то и в драку полезет. Многие из его знакомых ратников считали, что таким девицам не грех ответить взаимностью...

К концу дня похолодало. Инальт спрятал озябшие руки в тепло. Ощувив подарок Литы на дне кармана, он укорил себя за то, что сразу не воспользовался помощью.

Он бранил себя за то, что гордость не позволяет ему и сейчас прибегнуть к лесному волшебству, кликнуть волчицу. Это означало бы признаться в собственной слабости, в том, что она нужна ему. Не по-мужски это, нехорошо.

Вскоре Инальт добрал до развилки ручья и снова обронил крепкое словцо. Царевна Вита повернула не в ту сторону! Она ушла к Озерному краю, недоступному из-за болот и опасных трясин.

Преследователь повернул в ту же сторону. Теперь Инальт понадеялся, что тот нагнал царевну дотемна. Проще спасти любимую из рук похитителя, чем любиться с утопленницей. И все же тревога разбередила душу, усталость навалилась непомерным весом.

С сумерками лес наполнился плотным липким туманом. Инальт заставлял себя передвигать ноги, с трудом находя верный путь вдоль воды. Влажный воздух будто сковывал дыхание, наполняя легкие холодом.

Тело отяжелело, перед глазами мутилось. Но юноша приказал себе идти вперед. Он тер и щурил глаза, чтобы не заплутать, чтобы разглядеть дорогу, преследователя или...

Холодной ночью всякому понадобится костер. Не брезжит ли впереди свет? Хоть слабый отблеск надежды на то, что Вита еще жива.

На миг Инальту показалось, что он видит вдалеке огонь. Он отвлекся, оступился и неловко скатился в овраг. Ручей на дне его не был глубоким, какая-то иная тьма окутала юношу. Она сдавила его беззубыми челюстями, обвила холодным влажным языком.

– Вита... Витария... – прохрипел Инальт, задыхаясь.

– Инальт? – донесся до него голос царевны. – Инальт, где же ты?!

– Любимая... – ответил Инальт и больше не смог даже вздохнуть.

Вита бежала так быстро, как никогда в жизни. Она будто

стала не человеком, но диким зверем, знающим этот лес на уровне чутья, некой общей памяти стаи.

Или же сами боги хранили обезумевшую от страха девочку от деревьев и кустов, от коряг и выворотней, то и дело вынырывающих из тумана невиданными чудищами. Вита теперь не ведала страха. Высшие силы направляли ее стопы по верным кочкам.

Но порой царица поскользнулась. То одна ее нога, то другая погружалась в воду. Жижа чавкала, хлюпала и отпускала добычу. А сапожки, которые Вита получила к шубке, сдерживали влагу.

– *Лови ее... Лови...* – неслоь вслед.

Вита бежала быстрее ветра, летела, словно на ногах ее крылья. Но низкий ехидный голос звучал у самого уха. Речная оборотница смеялась над ней, издевательски хохотала.

Обернувшись, царица увидела в тумане и четкий силуэт колдуна. Емельян не бежал, просто шел за ней. И как бы стремительно ни неслась беглянка, преследователь не отставал.

Где-то ухнул филин. Вскрикнул ночной зверек. В далеком далеке подали голос волки. Их вой таил не угрозу, но неясную глубокую тоску, сожаление. Голоса зверей будто пели о потерянной надежде...

Налетел пронизывающий ветер, и туманы стали редеть. Вот на небе показалась луна. И Вита увидела, что вокруг нее был уже не лес, но болото.

Чахлые деревья жались друг к другу, сплетались изломанными ветвями. Мертвые пни торчали из кочек сухой травы. Болотная вода под плесенью тумана казалась чернее самой тьмы.

Взяв себя в руки, Вита продолжила путь. Она отломилась одну из сухих веток и, тыкая ею перед собой, двинулась дальше. Она перепрыгивала с кочки на кочку, хваталась за деревья. Но воды вокруг становилось все больше, а суши – меньше.

Вода! Вода – стихия речной оборотницы. Из нее струится темное колдовство. Пока вокруг Виты вода, царевне некуда бежать.

– Милая Витария, вернись ко мне, – ветер донес голос Емельяна. – Я же хочу как лучше... Там дальше топи вонючие. Ты погибнешь. Хочешь стать одной из утопленниц?

– *Пускай бежит, пускай тонет*, – смеялся призрачный женский голос. – *Станет утопленницей, проще будет поработить ее волю...*

Витария взвизгнула от страха, сделала шаг назад. Из болотной пучины, сквозь покров тумана и чахлую траву, к ней потянулись тощие руки. Длинные пальцы цеплялись за кочки. С костей свисали остатки плоти и одежды. Лунный свет отражался от голых черепов, тонул в черных глазницах.

– *Она хочет быть такой же, как они...* – хохотала щука. – *Мало ей обрезанных кос, хочет стать еще красивее... Хочет быть ближе к своей мертвой матушке...*

– Не смей! – взвизгнула Вита. – Не смей произносить своим грязным мертвячьим ртом это слово!

Она перехватила свою палку и ударила по рукам утопленников. Вуаль тумана порвалась. Брызги воды, тина, ошметки полетели в разные стороны. Затрещали кости под каблучками Виты.

Стиснув зубы, она снова и снова наносила меткие удары. Она топтала ногами, выла, бранилась. Но все было напрасно. Расщепленное, разбитое вновь собиралось воедино. Оплетенные травой длани тянулись к царевне. Они хватали ее за подол, скользили когтями по коже сапог.

Силуэт Емельяна затерялся где-то вдали. Колдун больше не звал, не ободрял, не настаивал. Истаял и смех его припешницы. Вита будто сошла с пути обычного мира, застыла

на пороге жизни и смерти. Она осталась одна среди болот, ночи и мертвецов...

Только растущая луна глядела на царевну своим ласковым оком. Ночная ипостась двуликой богини-матери несла хотя и холодный, но все же свет. Она рассеивала ночную тьму, напоминала о тепле дня... Напоминала о материнской любви, о женской силе...

– *Вита... Витария...* – донеслось до царевны из темной воды.

– Инальт? – воскликнула царевна, из последних сил отбиваясь от утопленников. – Инальт, где же ты?!

– Любимая... – ответило болото голосом друга.

И в этом голосе было больше смерти, нежели жизни. Вита похолодела от ужаса. Жуткое предчувствие наполнило все ее нутро льдом.

– Инальт! – воскликнула царевна. – Нет, любимый! Не умирай! Инальт!

Вита продолжила махать палкой. Из-за слез она почти ничего не видела перед собой. Искаженные гримасы мертвецов больше не пугали ее. Но они, болото, ночь были непреодолимой преградой между двумя любящими сердцами.

Инальта не было поблизости, но Вита ощущала его, слышала голос, точно он тонул где-то совсем рядом. Он слабел, а Вита, полная сил и жизни, не могла ему помочь!

– Матушка, – взмолилась Вита, воздев очи к луне. – Милая богиня-матушка, прошу, помоги мне... Помоги нам! Не

на кого мне больше положиться. Молю тебя!

Царевна выла в голос от горя и скорби. Руки ее уже едва слушались. Мертвецы подбирались все ближе. Где-то задышался Инальт, ее любимый.

– Помоги, матушка-богиня... – плакала Витария.

Луна светила и безмолвствовала.

– Как же так... – вопрошала царевна. – Почему одним дается колдовство, другим нет? Почему боги помогают в темных и злых делах, но не мне? Где справедливость?!

– *Vita*... – эхом доносился голос Инальта.

Царевна была уже не в силах отбиваться от утопленников и опустила руки.

Мертвецы лезли отовсюду, будто муравьи, и она оказалась в самом центре муравейника. Морок ли то был или правда, Вита уже не ведала. Глядя на жуткие лики, она неосознанно искала среди них знакомое лицо Инальта.

Неужели это конец? Инальт утонул? И она теперь тоже погибнет. Она будет рядом с матушкой и любимым... Может, это и к лучшему... Что за жизнь в неволе рядом с колдуном и развратником?

Днем Вита поддалась слабости. Но она ошибалась. Теперь она не предаст любимого. Не предаст себя. А может, она даже...

Вита сжала кулаки, скрипнула зубами. Ведь она сбежала из дворца, чтобы найти силы и отомстить. И она отомстит, даже если погибнет, даже после смерти. Она доберется до

Емельяна, до щуки! Если понадобится, она осушит все водоемы царства, только бы извести мерзкое колдовство!

– Заклинаю тебя, матушка-богиня, наполни меня твоей силой! – выкрикнула Вита, раскинув руки, словно принимая свою судьбу в объятия. – Я заклинаю ветер! – громогласно объявила царевна. – Услышь мои слова, донеси их!

И ветер отозвался... Он взвыл, точно голодный волк, ударил в лицо, сорвал платок с головы царевны. Вылезшие на берег мертвецы закричали, припали ниже к земле. Кого-то ветер сбил с ног, повалил обратно в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.